

Пулковская Цитадель

Автор:

Александр Тестов

Пулковская Цитадель

Александр Тестов

Город превратился в ад. Еще недавно цветущий и многолюдный, теперь он похож на призрак. Здания рушатся, трупы никто не убирает с улиц... Всюду хаос и отчаянье. Всему виной неизвестный вирусный штамм. От него нет вакцины. Происхождение его неизвестно. Все неизвестное пугает еще больше... Власти изолировали город.

Оставшиеся в живых предоставлены сами себе. И каждый выживает как может. Кто сплотившись в кланы, а кто и по одиночке...

Группа отчаявшихся людей нашла приют в бизнес-центре. Теперь это их рубеж обороны. Их Цитадель.

Александр Тестов

Пулковская Цитадель

Автор выражает глубокую признательность Татьяне Смирновой и доктору Виктору Круглову за оказанную поддержку и неоценимую помощь в написании данного романа.

Все события и персонажи вымышленные, те или иные совпадения абсолютно случайны. И не дай нам Бог...

Опять приходит с обыском конвой

Опять нашли в подвале пулемет.

Я думал – тот же, нет – уже другой.

Какая сволочь их туда кладет?

Пролог

Сентябрь 1941 года, город Москва, Кремль, кабинет И.В. Сталина.

– Садитесь, товарищ Жуков.

Георгий Константинович прошел вперед, отодвинул стул, сел. Сталин сидел во главе стола и задумчиво курил трубку. На длинном столе была разложена карта Ленинграда. Жуков успел это заметить, он понял, что разговор пойдет об обороне города.

– В последние дни, – Иосиф Виссарионович выпустил небольшой клуб дыма и положил трубку на хрустальную пепельницу, – под Ленинградом сложилась тяжелая... я бы сказал безнадежная ситуация.

Жуков едва заметно дернул головой. Он знал, что четвертого сентября немцы начали обстрел самого города, а восьмого захватили Петрокрепость.

– Видимо, пройдет ещё несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным. – Верховный умолк и пристально посмотрел на генерала.

– Считаю, что Ленинград можно и нужно удерживать! – Жуков четко произнес каждое слово.

– Ворошилова я уже распорядился отозвать. Мне доложили, что маршал лично водил солдат в атаку. Не хватало еще, чтобы Первого маршала страны убили или взяли в плен. Вот будет германцам забава.

Жуков не поверил своим ушам. Пусть в кабинете кроме них двоих никого не было, и все же генералу не верилось. Сталин был откровенен как никогда.

– Есть мнение, – продолжил верховный, – назначить вас, – он сделал ударение на последнем слове, – командующим обороной Ленинграда. Поезжайте и сделайте все возможное.

Георгий Константинович понял, что беседа окончена. Он встал, чуть слышно щелкнул каблуками.

– Разрешите идти.

– Идите.

Жуков развернулся и уверенной походкой покинул кабинет Верховного.

* * *

Тринадцатого сентября Георгий Константинович прибыл в осажденный город. Вместе с ним прибыл комиссар госбезопасности третьего ранга[1 - Комиссар госбезопасности третьего ранга – специальное звание высшего командного состава НКВД, соответствует армейскому званию генерал-лейтенант.]. В последний момент сам товарищ Берия попросил Жукова взять комиссара с собой, мол, у него ответственное поручение в Ленинграде. Машины уже ждали. Расстались быстро. Первым отошла машина с новым командующим ленинградским фронтом, следом сопровождение.

– Товарищ комиссар госбезопасности третьего ранга, прошу в машину. – Старший лейтенант залихватски козырнул и услужливо открыл дверцу.

Комиссар в длинном кожаном плаще с пристегнутым меховым воротником молча сел на заднее сиденье. Машины покинули взлетное поле и выехали на хорошо укатанную дорогу.

– Что у вас, Каргуль?

Лейтенант обернулся с переднего сиденья.

– Так все исполнено, согласно плану. Точно в срок. Товарищ Самойлов ждет.

– Хорошо.

Машину внезапно подкинуло на ухабе, и офицеры красиво приложили водителя по всей его родне.

Часть первая

Между жизнью и смертью

Зловещие объятья вражьих рук –

Их ощутил великий русский город.

А нечисть, объявившаяся вдруг,

Испытывала ненависти голод.

Кольцом блокадным город обручён

С врагом, не знавшим ранее препятствий.

Тот, ослеплённый золотом икон,

Шептал себе: «Иди, бери и властвуй!»

Но город твёрдо знал – себя сберечь

От волчьих лап зарвавшегося гада

Он сможет – не об этом речь,

О людях, в нём живущих, думать надо.

А те крепились из последних сил,

Уснувших приютила Пискарёвка.

Кусочек хлеба стогаммовый был

Кусочком счастья – золотой подковкой...

...Года идут. Блокады больше нет,

Нашествие врагам тем вышло боком.

Нам города голодного портрет

Лишь память нарисует ненароком.[2 - Стихи Татьяны Реготовой.]

Глава первая

Пред грозой

Сентябрь 1941 года, город Ленинград, проспект Володарского, дом 4,
Управление НКВД.

– Товарищ старший майор[3 - Старший майор – специальное звание офицера НКВД до 1943 г. Соответствует армейскому званию генерал-майор.], у нас все готово, – по-военному вытянувшись, доложил человек в медицинском халате. Это подобие армейской выправки ему совершенно не шло.

Его профессорская бородка торжественно топорщилась, а пенсне, съехавшее на кончик носа, придавало человеку вид светила науки.

– Показывайте, Илья Михайлович, – спокойно ответил старший майор.

– Прошу сюда.

Два шага по коридору – и они оказались перед массивной металлической дверью. Профессор принялся крутить кремальеру. Огромный штурвал с трудом вращался и поскрипывал от натуги.

Старший майор терпеливо ждал. Его длиннополый кожаный плащ был наглухо застегнут. Какие бы то ни было знаки различия на плаще отсутствовали – оно и понятно, обмундирование-то не табельное. Но его здесь знали в лицо. Сергей Николаевич Самойлов, начальник секретной медицинской лаборатории при Ленинградском НКВД, был человеком особо приближенным к... и тут палец шушукующихся сотрудников всегда тянулся вверх.

– Прошу, – коротко пригласил профессор, вытирая испарину со лба.

Старший майор переступил через массивный порог и оказался в просторной лаборатории № 1, в вотчине профессора Никодимовского Ильи Михайловича. Хорошо освещенное помещение хранило абсолютную тишину. Персонал был эвакуирован еще сутки назад, и теперь рабочие столы сиротливо стояли вдоль стен. Сотни пробирок, спиртовок, колбочек, скляночек и прочих емкостей отсвечивали разноцветными жидкостями. Инструменты были аккуратно сложены на большом столе посреди лаборатории. Везде чистота и порядок.

– Вся документация здесь. – Никодимовский прошел к центральному столу и бережно, словно ребенка, взял огромную бумажную папку. – Тут все отчеты о проделанной работе. Результаты опытов и финальная формула.

Начальник лаборатории молча кивнул и принял папку. Но его взгляд холодных серых глаз продолжал буравить профессора в ожидании главного ответа.

– Прошу сюда, Сергей Николаевич. Все в сейфе.

Профессор провел начальника к высокому несгораемому сейфу, на дверце которого красовался императорский двуглавый орел и надпись – «Сейфы Акинфа Пронина, С-Пб, 1909 г. поставщикъ Двора Его Императарскаго Величества». Сейф был политически совершенно не выдержан, но зато прекрасно хранил секреты первой лаборатории.

Никодимовский набрал шифр, вставил ключ и повернул запорную ручку. Дверь бесшумно отворилась.

– Вот, – торжественно изрек профессор, рукой указывая на содержимое сейфа, – сто восемьдесят четыре колбы с готовым раствором.

Самойлов склонился и цепким взглядом пробежался по полкам сейфа, уставленными стойками с маленькими емкостями.

– Все колбы опечатаны сургучом.

– Гарантия?

– Сургуч надежно защищает состав. Проникновение, испарение равно нулю. – Профессор поправил пенсне. – В нужный момент их можно...

– Я понял... – перебил его начальник.

– Товарищ Самойлов... Сергей Николаевич, эффект превзошел все наши ожидания. – Никодимовский склонился и зашептал почти в самое ухо собеседнику. – Сто процентное поражение вражеской группировки гарантировано. Как вы и просили. Немцам не видать колыбели нашей революции. Как только они войдут в город...

– Хорошо. Очень хорошо, Илья Михайлович. Родина и партия вас не забудут.

– Я не один. Прошу отметить всю лабораторию.

– Несомненно. Сам товарищ Сталин следил за вашими успехами.

При упоминании имени вождя, профессор выпрямился, расправил плечи. Он был готов к награде... к сталинской премии прямо сейчас.

Глаза старшего майора несколько оттаяли, он положил руку на плечо Никодимовскому.

– У него есть название?

– Мы назвали его ВВВ.

– ВВВ?

– Да. – Профессорская борода нервно дернулась. – Вирус великого возмездия.

– Отличное название. Закрывайте сейф.

Товарищ Самойлов отдернул руку и внимательно проследил за манипуляциями профессора, запоминая шифр замка и последовательность действий. Когда сейф оказался запертым, он протянул ладонь.

– Ключ, Илья Михайлович.

– Да, конечно. – Никодимовский протянул ключ, но от пронизательного взгляда энкаведешника не укрылось легкое смущение на лице медика.

– Он в единственном экземпляре?

– Что вы, Сергей Николаевич! – Профессор отшатнулся в сторону. – Как можно? Конечно, в единственном...

– Успокойтесь, я вам верю.

Они покинули лабораторию. На этот раз Самойлов помог профессору закрутить кремальеру. Затем они прошли длинным коридором, который заканчивался такой же массивной дверью. За ней их ждали бойцы НКВД. На полу лежали ящики, бухты кабелей, куски проволоки...

– Ну вот и все, Илья Михайлович, – многозначительно изрек комиссар, поправляя папку под мышкой, – прощайте.

Самойлов тут же кивнул в сторону, и профессора обступили двое бойцов.

– До свидания... – ответил профессор, дернувшись от крепких объятий, и тут же поник головой. Он все понял.

Энкаведешники подхватили Никодимовского под локотки и стремительно увлекли его за собой по коридору.

Старший майор проводил их взглядом и, только когда процессия скрылась за поворотом, скомандовал:

– Старший лейтенант Каргуль, за мной!

Не дожидаясь реакции на свои слова, Самойлов направился обратно к лаборатории. Высокий молодой офицер в форме старшего лейтенанта НКВД последовал за ним. Вдвоем они открыли кремальеру и вошли внутрь.

– Вот ваша задача, лейтенант, – комиссар подошел к сейфу.

– Так точно.

– Дверь... – Самойлов склонился над сейфом и через несколько секунд открыл дверцу. – Дверь должна быть открытой. Вам все понятно?!

– Так точно. – Лейтенант четко козырнул.

– Даю два часа. Закладывайте заряды!

– Есть!

Глава вторая

Вирус

Девятое сентября 2013 года, город Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 4,
Управление ФСБ РФ

Оплот законности и порядка в Ленинграде был торжественно введен в строй к ноябрьским праздникам 1932 года. Строительство началось по личному

распоряжению товарища Кирова, и над чертежами тогда склонили головы лучшие архитекторы города. Как только обыватели узнали, для кого возводят здание в квартале между улицами Шпалерной и Захарьевской, тут же поползли слухи...

Но главный козырь людская молва берегла на самый день открытия – 7 ноября 1932 года. Восьмизэтажное здание тут же нарекли Большим домом, а из уст в уста пошла гулять по городу легенда, что, дескать, под землей дом имеет столько же этажей. Подвалы НКВД наводили страх и ужас на советских граждан. Подвалы...

* * *

Четверо рабочих в одинаково запыленных комбинезонах темно-синего цвета, сложив руки на груди, рассматривали внезапно возникшее препятствие.

– Ну и откуда тут эта кладка? – возмутился чернявый и демонстративно полез в карман за сигаретами.

– Убери! – рявкнул на него рядом стоящий мужик в желтой строительной каске. – Сколько раз тебе Михалыч говорил – тут нельзя курить.

– Ой, да ладно.

– Коля хорош, – вмешался третий. – Надо Михалыча звать. У нас на чертеже этой стены нет.

– Вот-вот, – поддакнул четвертый, на вид самый молодой из всех. – Нам все равно дальше идти надо.

Черноволосый Николай, так и не отважившись закурить, подошел к кирпичной кладке. Провел рукой по швам.

– Цемент не такой уж и старый.

– Да в этих подвалах сам черт ногу сломит. Старый, не старый... Сколько раз тут все перестраивали одному Берии известно, – хмыкнул молодой.

– Шибко умный ты, Иван, как я погляжу.

Все четверо обернулись на голос. За их спинами стоял высокий мужчина в рабочей куртке и белой каске на голове – Михалыч.

– Вот ты нам и скажи, Михалыч, что делать? Ломать, или чего?

Мастер прошествовал к препятствию, окинул стену взглядом.

– Конечно ломать. Нам по плану еще метров двадцать надо пройти. На старых чертежах четко обозначено, что тут, – он хлопнул ладонью по стене, – должен быть коридор и большая комната. Так что, мужики, давай – ломай!

Самый молодой из рабочих – Иван, умчался по коридору и вскоре вернулся, разматывая бухту удлинителя. Решили работать сразу в два перфоратора.

– Давай, Сергей, заводи рок-н-ролл! – скомандовал мастер и отошел чуть назад. По всему было видно, что Михалыч останется на месте до полного разрушения стены. Интересно ведь...

Рабочие тяжело подняли увесистые перфораторы и включили их почти одновременно. Стальные жала впились в кладку, сокрушая своей мощью кирпичи. Дело пошло резво, стена крошилась на глазах.

Короткий перерыв. Убрали мусор из-под ног – и вновь за работу. Бригада провозилась почти полтора часа, прежде чем отложила перфораторы в сторону. Несколько десятков ударов кувалдами довершили падение стены.

– Есть! – гордо изрек Сергей, отбрасывая кувалду. – Приходи, Михалыч, любоваться!

Мастер чуть выждал, пока пыль осела, а затем, включив фонарь, первым шагнул в темный проем.

– А ну, мужики, посвети!

Следом за ним прошли и все четверо рабочих. У каждого нашелся фонарь, и теперь пять лучей ярко освещали длинный коридор.

– Смотрите! Там дверь! – первым подал голос рабочий, идущий следом за мастером.

– Ну ты глазастый, Петро!

Несколько быстрых шагов приблизили бригаду к находке. Высокая металлическая дверь, выкрашенная в темно-зеленый цвет, имела посередине кремальерную задвижку.

– Открывай, – распорядился Михалыч, и тут же две пары рук вцепились в колесо.

Кремальера поддавалась на удивление легко. Несколько поворотов – и дверь, едва слышно пискнув, отворилась.

– Светите, – приказал мастер, переступая высокий порог.

Минуту они осматривались, направляя лучи фонарей в разные стороны. Стеллажи с какими-то емкостями, вдоль стен столы, сплошь уставленные колбами, подставками, спиртовками и прочими медицинскими штучками.

– Это что? Лаборатория? – первым догадался Иван.

– Умен не по годам... – заметил Михалыч и двинулся вперед к сейфу. – Гляньте.

В свете пяти фонарей старинный сейф красовался как днем.

– Сейфы Акинфа Пронина... поставщикъ Двора Его Императарскаго Величества, – по слогам прочел Иван.

– Ого! Да он – старый.

– Ага...

Сейф оглядели со всех сторон, но трогать не решились.

– Так... – Мастер загородил своим телом сейф. – Все на выход. Иван, дуй наверх. Доложи дежурному.

* * *

Точно через пятнадцать минут вниз спустились трое в штатском. Они внимательно оглядели находку – столы с пробирками и с инструментами...

Затем сверили чертежи, которые были у мастера строительной бригады, с теми, что принесли сами. Рабочие с интересом следили за происходящим, но по непроницаемым лицам эфэсбэшников было непонятно, радуются они находке или нет. Их созерцание продолжалось недолго. Один из сотрудников управления скомандовал им покинуть помещение. Рабочие ушли, остался только Михалыч.

После беглого осмотра лаборатории переключились на главный предмет. Эфэсбэшники тщательно изучили сейф со всех сторон, и, не найдя ничего подозрительного, один из них решился дернуть за ручку.

– Может, не заперто...

Дверь, и правда, оказалась не закрытой. Смелчак от удивления аж причмокнул и потянул дверцу на себя. Он успел приоткрыть ее лишь на треть, как раздался взрыв. Несильный. Внутри сейфа жалобно задребезжало стекло, послышался звон разбитой посуды. Державшегося за ручку сотрудника откинуло в сторону. Он не устоял на ногах, упал. Остальные, инстинктивно прикрывая лица руками, отшатнулись от сейфа. В свете мигающих фонарей вырвавшееся из сейфа белое облако показалось им сказочным туманом, наползающим на них из преисподней.

– Что за черт!

– Какого...

– Ах ты!

Туман быстро заполнил собой всю лабораторию, нашел выход и пополз по коридору. Уже в следующую секунду дыхание у присутствующих перехватило. Они стали жадно хватать ртом отравленный воздух.

– Выходим... Выхо...

Движения людей больше напоминали танец тряпичных кукол, чем осмысленные действия. Их кидало из стороны в сторону. Тела натыкались на столы, друг на друга...

– На вых...

Они еще пытались сопротивляться этой неизвестной напасти, но яд душил, лишая их последней надежды.

До порога лаборатории пополз только Михалыч. Он едва смог перевалиться через высокий приступок и, содрав с себя каску, принялся колотить ею по бетонному полу.

– На помощь... на пом...

Туман, словно живое существо, полностью втянулся в коридор и шел верхами. Михалычу внизу показалось, что дышать стало чуть легче. Он припал щекой к холодному полу и продолжал звать:

– Эй! На помощь!

Мастер видел, как вытянутое молочное облако ушло вперед, на свет в дальнем коридоре. Туда, где должна быть его бригада.

– Коля! Сергей! На пом...

Михалыч сделал глубокий вздох и... сердце остановилось. Его криков так никто и не услышал.

* * *

– Какого черта!

– Что за хрень!

Бригада дружно курила в специально отведенном месте и так же дружно узрела наползающий по коридору туман.

– Пожар? – Сергей, самый старший в бригаде, моментально выбросил окурок в урну.

– Горим! – подхватил Иван и первым ринулся к лестнице.

– Бежим!

– Уходим!

Они рванули к спасительной лестнице, когда до белого облака оставалось не больше семи метров. Рабочие лихо влетели на лестницу и, миновав два пролета, ворвались в подсобку на первом этаже здания.

– Горим!

– Пожар!

По ходу перевернув все в подсобке, они очутились в коридоре. Двери нескольких кабинетов мгновенно открылись, и стремительный бег строителей прервали сотрудники ФСБ.

– Где пожар?

– Какой пожар?

– Внизу. В подвале.

- Отставить панику. Звоните в МЧС!
- А почему наша сигнализация не сработала?

Через несколько секунд двери всех кабинетов по коридору были распахнуты.

- Где горит?
- В подвале!
- Звоните в...
- Уже, товарищ подполковник.
- Дым!
- Товарищ капитан, выводите людей! Бегом!
- Есть!
- Чтоб вас...
- Дым!

* * *

Огромное здание с сотнями кабинетов, с десятками лестниц и переходов нельзя эвакуировать мгновенно. Дым не дал всем спуститься вниз. Больше всего повезло первым трем этажам. Эти успели все... почти все...

Едкий, обжигающий легкие дым всего за несколько минут поднялся до крайнего этажа и вырвался на волю сквозь открытые окна. Он нашел себе дорогу и через вентиляцию. Движение по Литейному было парализовано. Люди, выйдя из автомобилей, смотрели, как молочно-белый туман расползается над зданием. Спасшиеся сотрудники ФСБ стояли тут же и недоумевали. Дым есть, а огня нет.

И если горит в подвале, откуда столько дыма?

Этот живой туман висел над домом номер четыре около пяти минут, а затем, подхваченный порывами ветра, откочевал в сторону Невы. Там свежий бриз разорвал единое облако на сотни, тысячи маленьких клочков. Они стали едва различимы в Питерском небе. Легкая дымка... Ветер принялся усиленно разгонять эти жалкие клочки по всему городу.

Пожарные расчеты прибыли на место происшествия через восемнадцать минут. Оперативно сработали и сотрудники ГИБДД, машинами перекрыли половину Литейного, дав свободу маневра пожарным машинам. Следом за пожарными, дико визжа сиренами, прибыли четыре кареты скорой помощи. По давно отработанной схеме МЧС развернуло штаб – и началось...

Люди, надышавшись дымом, валились с ног, задыхались и бились в конвульсиях. Спазм перехватывал горло, а легкие сжимались, словно в тисках.

Через двадцать минут прибыли еще шесть карет скорой помощи, пострадавших стали срочно эвакуировать с места ЧП.

Пожарные отважно спустились в подвал, но очага возгорания не обнаружили. К этому времени остатки дыма полностью улетучились, оставив после себя бездыханные тела.

Трех сотрудников ФСБ и мастера строительной бригады вынесли из подвала. Но бригада так и не увидела своего Михалыча – рабочие были госпитализированы. Работа кипела. Машин не хватало. И тогда гаишники перекрыли весь проспект полностью. Теперь к зданию номер четыре каждые три минуты прибывала новая машина скорой помощи. Пострадавших сначала увозили в ожоговый центр, а когда там места закончились, стали распределять по ближайшим больницам. Многих пострадавших сотрудников ФСБ отправили в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова.

Семен Алексеевич Быстрицкий, начальник Санкт-Петербургского Управления ФСБ РФ, держался долго. Он лично контролировал эвакуацию своих подчиненных по больницам и госпиталям. Семен Алексеевич все время находился в оперативном штабе МЧС, пока не почувствовал головокружение и боль в груди. Быстрицкого срочно увезли в академию.

* * *

В тот же день все питерские теле- и радиокомпании уделили максимум своего эфирного времени, чтобы в подробностях известить горожан об инциденте. Журналисты сообщали, что незначительное возгорание в подвальном помещении Управления ФСБ было быстро ликвидировано. Однако не обошлось без жертв. По данным оперативного штаба МЧС в результате чрезвычайного происшествия погибло двадцать восемь человек! Госпитализировано с различными степенями тяжести пятьдесят семь человек. Зданию нанесен незначительный ущерб. Создана специальная комиссия для расследования инцидента. К работе подключилась прокуратура. Губернатор взял расследование под личный контроль. Ему, конечно же, все поверили.

На следующий день, десятого сентября поступила уточняющая информация. На этот день в больницах и госпиталях города значилось девяносто шесть пострадавших... А уже одиннадцатого сентября голос одного из корреспондентов слегка дрожал, когда он произносил очередную цифру – двести сорок восемь человек. Но самая важная новость того дня заключалась не в возросшем количестве пострадавших, а в том, что доставленные в первый день больные умерли. Все до одного. Родственники были безутешны. Врачи разводили руками.

К вечеру одиннадцатого числа подключились столичные СМИ. Центральные каналы вели прямые репортажи из северной столицы. Корреспонденты метались от больницы к больнице, от ситуационного штаба МЧС к зданию ФСБ, выпрашивали, уточняли и доводили сведения до зрителей, слушателей, читателей...

Активная машина средств массовой информации раскрутила маховик ситуации до предела. Главная цель была достигнута – некоторые стали бояться. Но чего конкретно, не знал никто. Ответов не было.

Понимание, чего нужно бояться, пришло утром двенадцатого числа...

Глава третья

Распространение

Двенадцатое – тринадцатое сентября 2013 года, город Санкт-Петербург, улица Пострельная д. 11.

В кабинете Владимира Петровича Елизарова, главного санитарного врача по Санкт-Петербургу, утром двенадцатого сентября собралось экстренное заседание. На повестке стоял всего один вопрос.

– Что это за дрянь? – Владимир Петрович пристукнул ладонью по столу и обвел присутствующих долгим холодным взглядом.

– Надеюсь, вы понимаете, что нам такая реклама ни к чему. Город может пострадать... – Главный врач перевел взгляд на представителя губернатора города. Тот молча кивнул. – Только начался учебный год, на носу выставки, форум... в городе полно иностранных туристов. Вы только подумайте – четыре с половиной тысячи человек! И это за одну ночь.

Владимир Петрович потянулся за стаканом с водой, рука его чуть заметно дрогнула.

– Пожар в здании на Литейном тут совершенно ни при чем... – с места подал голос заведующий Александровской больницей.

– Как вы догадливы, Павел Александрович, – перебил его главврач.

– Мы имеем дело с вирусом, – невозмутимо продолжил Павел Александрович, – который доселе не известен науке. Смерть наступает мгновенно при большой дозировке. При меньших концентрациях агония может продолжаться сутки... двое.

– Насколько мы успели понять, – вмешался в разговор директор НИИ имени Пастера, – вирус передается и воздушно-капельным путем, и фекально-оральным. Особенностью является его соединение с кислородом, из-за чего его вирулентность просто огромная. Он активируется только в организме человека. С помощью кислорода вирус создает мощную защиту, которую современные

лекарственные препараты пробить не в состоянии. Но больше всего поражает его способность к быстрому размножению и постоянным мутациям. И еще вот что: предварительно можно утверждать, что вирус не в состоянии распространиться дальше пятидесяти километров. Далее его концентрация будет ничтожна. Мы пока не в состоянии понять, что происходит... Но людей из города выпускать нельзя.

Тут заговорил заведующий Александровской больницы.

– У меня заболели шестнадцать медсестер и шесть врачей, те, что постоянно контактировали с пострадавшими. У троих отмечается резкая степень агрессии. Сейчас они изолированы, но...

Глаза главврача округлились.

– Выходит, мы не сможем остановить эпидемию.

– Боюсь, что так, – подтвердил заведующий Александровской больницы.

– Город надо закрывать. Необходимо вводить военное положение и объявить в городе строгий противоэпидемический режим. Это единственный выход.

– Начнется паника.

– Ситуация критическая.

– Завтра будет еще больше заболевших...

– И трупов...

– Тихо, коллеги, – повысил голос Владимир Петрович. – Я должен немедленно доложить в Москву.

Главный санитарный врач Санкт-Петербурга снял трубку и набрал номер. Вдруг один из врачей закашлялся и, извинившись, прикрыл рот платком.

– Иосиф Моисеевич, я же просил – тихо, – цыкнул на него главврач.

Все присутствующие затаили дыхание в ожидании разговора. Вскоре в трубке раздался зычный баритон.

– Геннадий Григорьевич, доброе утро. Да. У нас тут серьезная ситуация... Видите ли, мы обнаружили вирус... Да-да, после пожара на Литейном. Ах, вы в курсе. Хорошо. Да. Это точно вирус. Что? Передается воздушно-капельным путем и фекально-оральным... Да-да. Сейчас в больницах около десяти с половиной тысяч больных с аналогичной патологией. Умерло? – Владимир Петрович заглянул в свои записи. – За три дня четыре тысячи двести пятьдесят три человека. Это предварительно... Что вы сказали? Ах да – это очень много. Согласен с вами. Идентифицировать не можем, Геннадий Григорьевич. Уже все подключились. Нам этот вирус не известен. Да, конечно, но вакцины нет. Все имеющиеся у нас в резерве эффекта не дали. Лаборатории проводят спешный анализ. Ждем результата. Прошу вашего разрешения на введение строгого противоэпидемического режима в городе. Нет, еще не объявлял, вот вам звоню. Да. Хорошо. Будем ждать.

Главврач повесил трубку.

– Так, коллеги. Геннадий Григорьевич сам прилетает сегодня вечером бортом МЧС с дополнительным оборудованием. Будем идентифицировать этот вирус. Какие соображения?

– Надо его к нам в военно-медицинскую везти, – четко, по-военному предложил начальник академии. – У нас как раз восемь больных в тяжелом состоянии есть. Двое уже с осложнениями – в состоянии крайней агрессии.

– Ох, сколько их к вечеру будет.

– У нас у всех.

– Мда...

Врачи переглянулись. Как-то все и сразу. Они еще не боялись, но уже опасались. Неизвестности.

* * *

А город жил. Жизнью, проверенной суматохами многих лет. Люди спешили на работу. Привычно спускались в метро. Толкались, прорывались вперед, чихали, кашляли... здоровались с знакомыми. Бурная река жизни неудержимо неслась вперед. Вот только не для всех. То на одной, то на другой станции метрополитена люди замечали, как кто-то, устало прислонившись к стеночке, тихонечко по ней и сползал. Реагировали не все. Не замечали или не хотели замечать. Все были слишком заняты, все спешили к своей цели.

А люди продолжали падать... Среди многотысячной толпы находились всего несколько тех, кто спешил помочь – позвонить в милицию, вызвать медиков... Но их, равнодушных, было слишком мало. Черствость остальных не пугала и не останавливала остальную человеческую массу. Жизнь еще шла...

Самой опасной в это утро оказалась станция Дыбенко. В течение только одного часа из-под земли извлекли тридцать одного пассажира, потерявших сознание. Впрочем, день был еще впереди.

На автомобильных дорогах города обстановка тоже была напряженной. На вантовом мосту столкнулись сразу восемь автомобилей. Образовалась огромная пробка. ДПС с трудом пробилась к пострадавшим. Следом прибыли врачи. Свидетели показали, что виновником был водитель КамАЗа, который не справился с управлением. Врачи осмотрели виновника. Он был мертв. Вероятность того, что он умер прямо за рулем – сто процентов.

К полудню похожие ситуации произошли на проспекте Просвещения, на Марата, на Дачном, на проспекте Большевиков, на Пяти углах и еще на десятках улиц, проспектов, проездов и тупиков. Ситуация выходила из-под контроля. Сотни экипажей ДПС с мигалками и звуковыми сигналами проносились по улицам и проспектам города, спеша на очередной вызов.

* * *

Геннадий Григорьевич Анищенков, главный санитарный врач Российской Федерации, прилетел в Санкт-Петербург в шестнадцать пятнадцать. Вместе с ним прибыла внушительная делегация столичных вирусологов. Всего через

двадцать минут машины несли их по перекрытому Московскому проспекту.

Уже из окна автомобиля Геннадий Григорьевич смог убедиться, что в городе не все благополучно. Два раза он видел, как прямо на тротуаре медики проводят реанимацию людей. Еще два раза заметил, как упали мужчина и женщина. Пролетев Московский и свернув на Садовую, Геннадий Григорьевич лицезрел крупную аварию, последствия которой еще не успели убрать. Но связывать ДТП с эпидемией ему тогда не пришло в голову. Кортёж с трудом миновал перекресток Садовой и Невского, где образовался огромный затор.

Уже на Петроградке главный санитарный врач увидел еще несколько трупов. Нет, люди могли быть еще живы, но лежали они без движения и оттого выглядели именно как трупы.

– Мда... – Геннадий Григорьевич покрутил головой. – Что же у них тут происходит...

Когда главврач достиг военно-медицинской академии, его уже ждали.

– Ну и что тут у вас происходит? – с ходу спросил Анищенко, покинув автомобиль.

* * *

Двое суток главный санитарный врач страны плохо ел и мало спал. Его кортеж метался от больниц к академиям, от госпиталей к лабораториям. Несмотря на всю приложенную энергию, работа десятков эпидемиологов и вирусологов результата не дала. Вирус, каждый день, каждый час стремительно убивавший тысячи жителей, идентифицировать не удавалось. Хуже того, был выявлен страшный побочный эффект. Зараженные погибали примерно в пятидесяти процентах случаев, остальные превращались в агрессивных монстров. Вирус воздействовал на нервную систему, точнее на психику человека, причем при тщательных обследованиях изменений ни в мозгу, ни в прочих органах не обнаруживалось. Пока...

Зараженные становились полностью неуправляемыми и проявляли чудовищную агрессию по отношению ко всему живому. Полиция сбилась с ног, отстреливая

подобных субъектов, но и сами органы правопорядка несли ощутимые потери. Хаос нарастал. Было отмечено около десятка случаев нападения граждан на оружейные магазины и тир. Народ вооружался кто чем мог. Вернее тем, что мог достать. Даже небольшие садовые магазинчики были разграблены. Шанцевый инструмент подскочил в цене. Крупные супермаркеты еще держали оборону за счет многочисленной охраны, а мелкие сдавались без боя. Многие начали спешно покидать город. Журналисты бесновались, нагоняя страха. Стоило только одному из них намекнуть на возможные проблемы с продовольствием, как давки в гастрономах только поспособствовали дальнейшему распространению заразы.

Господин Анищенков вечером тринадцатого сентября провел расширенное заседание. На прямой Интернет-связи находился сам Президент, которому были изложены все за и против.

Вывод напрашивался только один – город следовало закрывать. Никогда еще в новейшей истории Российской Федерации подобные мероприятия не производились. Тем более в таком огромном мегаполисе.

– Это ваше окончательное решение? – после длительной дискуссии прямо спросил президент.

– Да, Дмитрий Владимирович. Ситуация крайне тяжелая. Особенное беспокойство вызывает воздействие вируса на психику отдельных больных. Беспочинная агрессия утраивает напряженность в городе. Инкубационный период постоянно сокращается. Мы фиксируем случаи, когда зараженный приходит в состояние агрессии уже спустя шесть часов после наступления кризиса. Вирус постоянно мутирует, и каких побочных действий при воздействии на психику человека можно ожидать, мы не знаем. Люди, впавшие в агрессивное состояние, весьма опасны, они убивают и калечат граждан. Число жертв растет...

– Я понял, – резко перебил его президент. – Все коллеги согласны?

Четыре десятка академиков и профессоров почти одновременно закивали.

– Все, Дмитрий Владимирович, – за всех утвердил главный врач.

Наступило молчание. Президент откинулся в кресле, повернул голову в сторону большого монитора.

– Хорошо, – наконец изрек глава государства, – я подписываю распоряжение о закрытии Санкт-Петербурга.

Рука президента взяла электронный маркер и поставила размашистую подпись на мониторе. Электронный документ был подписан.

– Геннадий Григорьевич, сделайте все возможное, чтобы как можно скорее нормализовать обстановку в городе. Я немедленно отдам распоряжение Правительству, чтобы вам выделили все необходимое. И помните: главное это жизнь и здоровье жителей города. Ни в коем случае нельзя допустить масштабного распространения. Иван Константинович... – Президент перевел взгляд на министра обороны.

– Так точно! – отчеканил министр.

– Прошу и вас, Семен Кожугетович, экстренно предпринять все меры.

– Конечно, Дмитрий Владимирович. – Министр МЧС грустно кивнул.

– Информацию в государственных и частных СМИ строго контролировать, во избежание паники. Но и скрывать мы не можем... – Президент чуть склонил голову на бок. – Андрей Германович, проследите, чтобы население было информировано правильно.

– Хорошо, – ответил министр связи.

Связь отключилась. Геннадий Григорьевич устало обвел взглядом присутствующих.

– О закрытии объявим завтра в восемь ноль-ноль. За ночь нам предстоит проделать много работы. Кто-нибудь... – Он рассеянно посмотрел по сторонам. – Соедините с губернатором...

Главврач прикрыл чуть припухшие глаза рукой и принялся массировать виски.

– Вам нехорошо? Геннадий Григорьевич...

Главный санитарный врач Российской Федерации был срочно госпитализирован. Через два часа он впал в кому, а еще через три врачи наблюдали изменения пигментации эпидермиса.

– Неужели гиперпигментацию вызывает вирус? – Один из профессоров низко склонился к больному. – Это поразительно... стремительное воздействие на меланин.

– Перестаньте, коллега, – возразил второй светила науки, – возможно, это нервы. Спазм сосудов, наконец. Нехватка кислорода...

– Нет-нет. Посмотрите поближе. Синий пигмент, коричневый и даже зеленый! Этого не может быть.

Геннадий Григорьевич оставался под пристальным надзором лучших вирусологов еще три часа, после чего самостоятельно вышел из комы. Когда он открыл глаза, дежурившая медсестра шарахнулась в сторону. Главный санитарный врач страны посмотрел на нее огненно-красными глазами, а затем резко вскочил, сорвав с себя датчики и трубки...

Глава четвертая

Мать

Четырнадцатое сентября 2013 года, город Санкт-Петербург, улица Ивана Застрельного, родильный дом № 143.

Лариса боязливо приняла маленький сверток, глядя на него круглыми от любопытства глазами. Пожилая старшая медицинская сестра родильного отделения наигранно грозно предостерегла:

– Голову держи!

– Как? – пискнула Лариса.

– Ты не поверишь, руками! – медсестра поддержала новорожденного, который почти весь уместился на ее больших и ловких руках.

– И... что делать?

– Прикладывай к груди.

– Просто приложить и все? А как ему объяснить, что он должен делать?

Медсестра приснула:

– Ну, вы даете, молодежь. Не надо ему ничего объяснять, он все сам знает и все умеет. Пацан у тебя славный. Как назовешь?

– Дементий.

– Сама придумала или кто подсказал?

– Мама... у нас дедушку так звали.

– Дема, стало быть.

– Ага. – Лариса расплылась в улыбке и вдруг ойкнула, чуть не выпустив ребенка. Тот недовольно крякнул, но сосок не выпустил. И через секунду уже довольно чмокал. – Ой, и правда сосет. Надо же! Я думала, вы пошутили...

– Господи! Ну, Демка, и маман у тебя, убиться тапком. Тебе хоть восемнадцать-то есть?

– Ну... да. Почти. Через два месяца исполнится, – пробормотала Лариса, с изумлением рассматривая сына, который, похоже, и вправду знал и умел все, что ему было нужно для жизни, и куда лучше мамы.

– А папа-то кто? – продолжала расспрашивать любопытная медсестра, быстро раскладывая по шкафчикам и тумбочкам стандартный набор пеленок, чепчиков, носочков, «царапок» и памперсов. – Ты его вообще знаешь?

– А как же! – оскорбилась Лариса. – Его зовут Паша. Паша Дягилев. Он мой одноклассник.

– Вместе математику делали? – фыркнула женщина. – С папой все понятно, Демка, на него надежды нет. Разве что лет через пять – семь, когда поумнеет. А родители? Отец у тебя кто?

– У него фирма, – не без гордости заявила девушка.

– Ну, это в наше время ничего не значит. В период кризиса бизнесмен – профессия весьма ненадежная. Сегодня водит «мерседес», а завтра топает в СОБЕС. А мама?

– Мама – налоговый инспектор, – как на уроке ответила Лариса.

Медсестра сразу повеселела.

– Ну, это уже кое-что. Значит, не пропадете. Гляди веселей, Демка. Мамка у тебя, конечно, еще то чудо, но любит тебя и хочет забрать. Хочешь?

Лариса вскинула на медсестру большущие зеленые глаза и так прижала к себе ребенка, что тот недовольно пискнул.

– Конечно хочу. А что, могут не отдать?

– Отдадим, как не отдать, – пожала плечами женщина, – ты же не отказываешься. А то, знаешь, как бывает?

– Что вы, тетенька, я не отказываюсь! – В голосе Ларисы прозвучали панические нотки.

– Вот и хорошо. Будем оформлять, – довольно улыбнулась медсестра и успокоилась – проверка окончена.

– Спасибо, – растерянно сказала Лариса. Она мало что поняла, кроме того, что она таки родила и мама может помочь. Что ж, будем ждать маму...

– Если что-то понадобится, я на посту в конце коридора. Бывай, мамочка. – С этими словами старшая медсестра вышла, плотно прикрыв за собой дверь отдельной VIP-палаты, которая, по правде говоря, отличалась от обычной только тем, что была оклеена обоями, на окне висели чистые занавески, да небольшой коридорчик заканчивался туалетом и душевой кабинкой. Но Ларису мало волновала убогость ее апартаментов. Насытившийся Дема задремал. Молодая, очень молодая мама аккуратно, почти не дыша, положила его в высокую пластиковую колыбельку, достала мобильник и попыталась позвонить Паше. Уже, кажется, в шестой раз. Или в восьмой. Телефон не отвечал. Девочка свернулась на койке клубочком и беззвучно горько заплакала.

* * *

Заведующий родильным отделением, доктор Семенов задумчиво смотрел в окно. За его спиной стояла та самая старшая медсестра.

– Паша, говоришь? Одноклассник? Значит, тот самый. Павел Дягилев. Забавный паренек. Появился здесь с букетом цветов, похоже, с ближайшей клумбы. Я уже хотел над ним подшутить... А он вдруг осел на пол – и привет.

– Тебе известно, в каком он состоянии? – тихо спросила медсестра.

– Состоянии? В отличном состоянии, – пожал плечами доктор. – Ему хорошо. Он теперь ангел. Если там, – заведомо ткнул пальцем в потолок, – его приняли...

– Бедная девочка. Как думаешь – сказать?

Доктор размышлял меньше минуты.

– Пока не стоит, – решил он, – а то еще молоко пропадет. Пусть окрепнет. С мамой поговорим. Мама у нее – тетка хваткая и без сантиментов, я с ней тут пообщался. Ей можно смело сказать даже о конце света... Да.

– Сергей, что это? – прямо спросила женщина. – У тебя есть хоть какая-то информация?

– Та же, что и у тебя. Люди умирают. Причины неизвестны. Анищенко проводит совещание за совещанием, крутится по больницам, но увы и ах! Пустые слова и никакого толку.

– Ну хоть какие-то мысли у тебя есть?

– Я хирург, а не вирусолог. Какие у меня могут быть мысли?

– То есть непрофильные лекции ты просиживал в ближайшем пивбаре, – ехидно сказала медсестра. Солидное преимущество в возрасте давало ей право на некоторую фамильярность по отношению к начальству. И то сказать, начальства она на своем веку перевидала всякого. Этот – уже пятый. А она все тут, и все в той же должности. И быть ей тут до пенсии. Если, конечно, конец света не настанет раньше.

– Объяснить, что происходит, я тебе не смогу. – Доктор Семенов, похоже, ничуть не обиделся. Даже не заметил колкости в свой адрес. Он смотрел сквозь тройные стекла на улицу, но вряд ли что-то видел. – Поумнее меня люди пока ничего не объяснили. Есть только способ, которым распространяется эта зараза.

– Воздушно-капельным?

– И им тоже.

– Аааа...

– Вот тебе и а! Главное не способ. Главное, что быстро!

– И что же делать? – Старшая медсестра округлила глаза.

– Совет прост до безобразия – хватай в охапку дочку, зятя, внуков и рви отсюда когти пока не поздно.

– Это куда ж мы, по-твоему, всем табором? К мужниной родне?

– Ну, это уж ты сама решай: ты хочешь быть воспитанной дамой или ты хочешь жить. Если решишь, что жизнь важнее, чем манеры, то в качестве бонуса тебе еще один совет – поторопись.

– То есть прямо сегодня?

– То есть прямо сейчас.

– Но у меня смена заканчивается только через три часа, – растерялась женщина.

– Наплюй, – сказал Сергей, из которого добрые советы сыпались сегодня как из рога изобилия, – собирай семью, хватай такси – и на вокзал. Садись в первый же поезд, неважно, в какую сторону. Везде будет безопаснее, чем здесь. И – поспеши, Света, пока еще можно.

– Вот, значит, как...

– Вот так, – кивнул доктор Семенов. – Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что эта информация не для общего пользования.

– А ты?

– Я врач. Хотя эта зараза и не совсем по моему профилю, но, думаю, пригожусь.

– Тогда, наверное, я тоже должна остаться? – неуверенно сказала Света.

– Семью отсюда убери, – резко, почти грубо отозвался Сергей, – и можешь зарабатывать президентскую медаль, сколько твоей душе угодно. Судя по тому, с какой скоростью распространяется эта зараза, уже через неделю тут будет слишком весело для несовершеннолетних и слабонервных.

– Можно подумать, сейчас тут скучно, – пробормотала Света, выходя и аккуратно закрывая дверь кабинета заведующего отделением. Доктор Семенов ее не услышал.

* * *

Вечером этого же дня аппарат администрации губернатора Санкт-Петербурга разослал распоряжение президента о закрытии города во все ведомства и учреждения.

Четырнадцатого же сентября ровно в восемь утра по всем радио- и телеканалам население оповестили о предстоящих мероприятиях. Просили соблюдать порядок и законность.

Старший диспетчер аэропорта «Пулково-2» был извещен с опозданием на полчаса.

– А куда нам девать пятнадцать бортов, находящихся на подлете? – Вопрос повис без ответа. – Мы же не сможем разбросать всех...

– Борт шестьсот одиннадцать просит разрешения на посадку. – Произнеся это, диспетчер уставился на начальника.

– У кого есть горячее, пусть уходят в Петрозаводск и в Великий Новгород. У кого пусто – сажаем! – Старший диспетчер нервно потер бровь. – Ну что за день...

Глава пятая

Падение

Четырнадцатое сентября 2013 года, утро, город Санкт-Петербург, где-то между реальностью и сном.

Улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

– Кошка, вернись! Ты не можешь меня так бросить!

Голос донесся до нее издалека, она уже успела завернуть за угол. Плохо обработанные бетонные стены обступали ее со всех сторон. На высоте чуть выше ее плеча змеились связки толстых черных проводов. Девушка замедлила шаг. Под ноги бросилась собственная тень, она была так же растеряна и смущена. Пецл[4 - Пецл – сленговое название фонарика.] замигал, видимо, садились батарейки.

– Кошка, ты еще там? – Это был тот самый голос, насквозь знакомый, родной. И в нем не было ни следа безумия. Девушка остановилась, прислушиваясь к гулкой тишине подземелья. Вывернутая рука дернула болью. Девушка сделала несколько шагов вперед.

– Кошка, своих не бросают, это закон!.. Ну хотя бы развяжи меня, я ведь погибну здесь. И буду являться к тебе по ночам. – В любимом голосе проскользнули ехидные нотки. Такие знакомые! Он часто над ней подшучивал.

Девушка невольно улыбнулась. И сделала шаг назад. Потом второй.

Он лежал на полу, связанный несколькими метрами отличной, крепкой капроновой веревки, способной выдержать вес его тела. Собственно, она и выдержала. Ничуть не ослабла, хотя рвался любимый изо всех сил. Девушка осторожно приблизилась к человеку, которого, казалось, хорошо знала. С которым они не раз страховали друг друга. За которого она была готова отдать жизнь. Который пять минут назад пытался ее убить.

– Что с тобой случилось? – спросила она, осторожно приближаясь.

– Не знаю. – Попытка пожать плечами, лежа на полу связанным, как курица на продажу. – Может быть, шутили здешние духи? Зря мы не принесли жертву.

– Это точно. – Она сделала еще один осторожный короткий шаг, напряженно вглядываясь в связанного. С ним явно было что-то не так. Глаза его в голубоватом свете фонаря казались ярко-красными. Или и были такими.

– Ну? – мягко подтолкнул он.

– А почему у тебя такие глаза? – спросила Кошка.

– Ну, ты прямо как красная шапочка, – рассмеялся он, – бабушка, бабушка, а почему у тебя такие ушки?

– Красная шапочка плохо кончила, волк ее скушал, – сказала она, опасливо присаживаясь рядом.

– Но потом охотник ее спас, – возразил он.

– Это в поздней переделке. А в классике все как раз закончилось очень печально.

– Давай уже, развяжи меня. И пойдем наверх. – В его голосе проскользнуло нетерпение. И даже легкое раздражение. И, похоже, он имел на это полное право, Кошка связала его очень качественно. Наверное, ему больно.

– А с тобой ТОЧНО уже все в порядке?

– Ты же видишь.

Кошка достала нож и быстро, чтобы не передумать, резанула по веревке.

– Ну, вот видишь, все хорошо, – сказал он, вставая и потирая руки, – умеешь, однако, узлы вязать. Ты уверена, что не была юным скаутом?

– А ты УВЕРЕН, что не собираешься завести меня куда-нибудь в глубь подземелий? – спросила девушка. Красные глаза ее все же настораживали.

– Боишься – иди вперед, – предложил он. Предложил полушутливо, уверен был, что она откажется и посмеется удачной шутке. Но после того, что произошло между ними совсем недавно, Кошку совсем не тянуло на веселье. Она подумала пару секунд.

– Знаешь, пожалуй, я так и сделаю.

Пецл быстро замигал.

– Черт, батарейка все-таки села. У тебя есть?..

Обернуться она не успела. Перед глазами мелькнула та самая веревка и сдавила шею. Кошка попыталась вывернуться, но петля затянулась слишком быстро и слишком сильно. Кошка дернулась... Бетонные стены вдруг раздвинулись, и фонарь взлетел, превращаясь в безумную белую луну над скошенными крышами. Кошка села на постели.

– Приснится же такое, – пробормотала она.

На электронном табло светилось: 3.30. Кошка перевернулась на другой бок, отгораживаясь от луны, и уснула на этот раз спокойным глубоким сном, который не потревожили даже сирены скорой помощи, которые в ту ночь разрывали тишину в среднем каждые четверть часа.

* * *

В небольшом, но очень уютном кафе на первом этаже блестящего надраенными стеклянными фасадами бизнес-центра вкусно пахло кофе, а на подсвеченной витрине громоздились горки свежайшей выпечки, способные вызвать слюноотделение даже у медного всадника. Лера в ту сторону старалась даже не смотреть. И носом не водить. Пончика с сахарной пудрой хотелось безумно. Или на худой конец кремовой корзиночки. Нет, пончики она любила больше. Пончик! А еще лучше – пяток пончиков. Хрустящих, теплых, пахнущих маслом... А потом брюки на резиночке и отяжелевшее тело, которое не просунуть ни в одну маломальски интересную дырку. Последнее, понятно, было решающим аргументом, иначе хрен бы вам всем, а не диета. Кому именно хрен, Лера особо не задумывалась. Сказано же, всем! И в первую очередь наиглавнейшему придурку Джамперу и его крезанутой на все худое тельце девице – Сердцу Мира. По мнению Леры, за такие ники полагался расстрел на месте. А еще лучше – пожизненная диета.

Девушка подавила в себе желание высказать собеседнику свое фи, на предмет того, что ей пришлось тащиться через полгорода. Шифровальщик, нашел место для встречи. Какой пафос – бизнес-центр. И ради чего... кого... И, главное, срочно! Да еще в такую рань. Стрелки часов как раз сошлись на девяти утра.

– Ты ему звонил? – раздраженно спросила она, пригубив горячий ароматный кофе без молока и без сахара. По мнению девушки именно так и стоило пить настоящий кофе. А все эти американо, капучино и иже с ними – плод бестолковой фантазии.

– Я ему каждые полчаса звоню, – ответил Стас. Он, в отличие от девушки, не злился. С ним все было гораздо хуже – Стас был напуган. И не скрывал этого, что вообще ни в какие ворота не лезло, даже в футбольные. Кем-кем, а трусом Стас не был. В их компании вообще пугливых не водилось, не та среда обитания, не та экологическая ниша.

– И что?

– Абонент временно не абонент.

– А второй номер?

– Оба. – Стас, всегда спокойный и выдержанный, потер глаза, и Лера заметила, что они у него как-то не по-хорошему красные. Видно, не спал всю ночь, пытаясь достать бестолкового Джампера.

– Если они внизу, дебилка может и не взять, там же куча проводов, бетон, фонит по-страшному.

– Третий день? – спросил Стас.

– Ну-у, – протянула Лера, прихлебывая вкусный кофе и наскоро прикидывая такую возможность, – почему бы нет. Особенно если у них есть запасные батарейки, вода, продукты... презервативы.

– Не смешно. А смысл?

– Всех на уши поставить, – хмыкнула Лера, – вот тебе и смысл. Потом на форуме повыпендриваться: мы, типа, круче всех, мы мегавлаз и мегавылаз сделали. Целых трое суток под землей. Настоящие диггеры – это мы!

Стас грустно усмехнулся:

– Если б тебе кто-нибудь, я, Кролик или Бешеная Вильма таким «подвигом» похвастались, ты бы сказала, что мы крутые?

– Я бы сказала, что вы придурки. Но между вами и Джампером есть существенная разница.

– Какая? – удивился Стас.

– Он на самом деле придурок. И ему идея могла показаться стоящей.

– Все равно, маму бы предупредил.

– Мог и не предупредить. – Девушка пожала плечами. – Ты предупреждаешь родителей, что собираешься вниз?

– Нет конечно. Что я, больной. Но я-то больше чем на двенадцать часов не спускаюсь, – возразил Стас и снова потер глаза. – Может, заблудился?

Лера фыркнула:

– Ты еще скажи – забухал с метровскими слониками. Как в Питере можно заблудиться? Тут же все просто, «по линейке».

– Сама сказала – придурок.

– Но не до такой же степени!

Они замолчали и занялись каждой своей чашкой, а Стас Белый по прозвищу, разумеется, Черный, еще и песочной полоской. Если бы пончиком, разговор мог вообще не получиться, Лера Левандовская была человеком настроения, и за издевательство над своей нежной психикой могла послать к Ероол-Гую не только камрада, но и упомянутых метровских слоников, причем в любом количестве, сколько бы их ни было оптом или в розницу.

– А этой его... Сердцу Мира звонил? – спросила девушка, прервав затянувшуюся паузу.

– Я ее номера не знаю. Никто не знает. Шифруется.

– Вот тебе и презервативы! – Девушка ехидно прищурила глаза. – Полюбасу она с ним пошла под землю.

– И что?

– Заявление в полицию написать.

– Уже написано.

– Ну так ищут, наверное.

– Ищут... – Стас вздохнул. – О чем ты, Кошка? Если они внизу, полиция их не найдет. Их никто не найдет. Пока сами не вылезут...

«...если вылезут». Об этом Черный не сказал. Следуя никем не писанному, но чтимому кодексу правил, о такой возможности между собой никогда не говорили. Но помнили-то о ней всегда.

Бесполезный разговор пора было заканчивать. В конце концов, у девушки была еще куча своих проблем. Хорошая такая, большая куча. И сидя в кафе со Стасом она ровным счетом ничего не делала, чтобы эту кучу уменьшить.

– От меня-то ты чего хочешь? – напрямик спросила она.

– Поискать бы надо ребят, – так же прямо ответил Стас. – Я знаю, ты их не любишь.

– Любишь – не любишь, – перебила Кошка, – мы что, на ромашке гадаем? При чем тут любовь? Я дышать не люблю, ты в курсе? Вдох – выдох – и так лет восемьдесят без перерыва. Рутинка. Однако дышу... Дело не в моих личных чувствах к придурку Джамперу и этому самозваному Сердцу Мира, крепко двинутому на всю голову. Дело в том... Смысла я в этом не вижу, вот в чем дело. Где мы их «поищем»? Под Литейным, в метро, на Морской, в крепости? Ты знаешь, хотя бы приблизительно, где они забрасывались?

– Можно на форуме последний треп посмотреть...

Лера даже говорить ничего не стала, молчание ее было выразительнее всяких слов.

– Хорошо, – кивнул Стас, – я тебя понимаю... Один полезу.

– Ты знаешь наши правила, – бросила Кошка, – поодиночке вниз не ходят.

– Есть и другое правило – своих не бросают!

– Чип и Дейл спешат на помощь, – плоско сострила Лера.

Стас покачал головой, словно не верил, что бывают на свете такие вредные люди. И при этом вполне симпатичные, вот ведь как.

– Ты все-таки что-то знаешь... Или догадываешься.

– Джампер на той неделе домкрат купил, – вполголоса поделился Черный.

Кошка кивнула.

– Ну да, если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то домкрат – это гермуха[5 - Гермуха – герметично закрывающаяся дверь (слэнг).], а гермуха – это метро. Все Хабаровск[6 - Хабаровск – место, где много хабара – трофеев (слэнг).] ищут... Но метро – это ни о чем. – Она выжидающе смолкла.

– Они уже пару недель одну вшу[7 - Вша – вентиляционная шахта (слэнг).] облизывают, – сдался Черный, – я обещал никому не говорить.

– Ну вот и молчал бы, – пожала плечами Лера.

– Ко-ошка!

– Хорошо, – неожиданно легко согласилась она, – сегодня ближе к ночи, устроит?

– Вполне. – Стас мгновенно воспрянул духом. – Кошка, ты – человек! Снаряга?

– Обычная: пецл, обвязка, карабины...

...Стас уже давно растворился в сутолоке мегаполиса, а Лера все сидела за столиком, пытаясь добить большую чашку с кофе, и бубнила себе под нос так, чтобы никто ее не услышал:

– Везет Москве. Люди библиотеку Ивана Грозного ищут, серебро, которое от Наполеона прятали. А мы – только всяких придурков да приключения на свою... хм... шею.

Глава шестая

Трудный день

Четырнадцатое сентября 2013 года, день, город Санкт-Петербург, аэропорт «Пулково-2».

Он не мог вспомнить который сегодня день. Про время... то есть про часовые и минутные стрелки он вообще не вспоминал. В последние дни круговорот веществ в природе... вернее в животе, от всего выпитого и съеденного превратился в тошнотворную карусель. И то правда.

Сначала Кот-д'Ивуар, потом Египет, затем Мальта, следом Венгрия – и вот только теперь родной Питер. Черета сменяющихся лиц и ландшафтов. Съемки, интервью и экзотическая кухня. И пора бы привыкнуть, уже три года в деле, но желудок каждый раз бунтует как в первый. Все не привыкнет, окаанный.

Вот многие завидуют ему. Мол, полмира повидал, и все за счет работодателя и спонсоров. Он и сам так поначалу считал. Романтика, путешествия, новые знакомства, аборигены, аборигенки... Три года промчались как один – и налет блаженного кайфа испарился, словно иллюзия. Юношеская мечта, страсть к приключениям... Он устал. Именно теперь, когда жизнь наладилась, когда карьера пошла в гору, многие его знают и даже уважают. Коллеги завидуют. Он

уважаемый человек и путешественник.

Начиналось, правда, все банально. Факультет журналистики – раз. Окончание этого факультета – два. Поиск достойной работы – три, хотя и занял почти год. Подработки не в счет. И вот фортуна повернулась красивым передом совершенно случайно, на банкете в честь... О! Он будет помнить тот день всегда.

Турбины шумели, крыло чуть заметно подрагивало, мимо проплывали взъерошенные облака. Мужчина удобно устроился в кресле, закрыл глаза...

Открытие модного торгового дома в Питере. Немного пафосно, но зато с одним очень известным певцом в главной роли. А он сам просто фотокорреспондент газетенки, название которой стыдно упоминать в приличной компании.

Итак, он отснял свои килобайты, наслушался сказок в исполнении заграничного певца и только было собрался вкусить начиненных разными деликатесами тарталеток, как плечом к плечу столкнулся с очаровательной леди. Ах, какое у нее имя – Гульнара Ивановна, внимание, фамилия: Сохно. Восточный колорит, плотно взбитый на русско-украинской сметане. Красота – глаз не отвести. Даже фотоаппарат самопроизвольно выдвинул объектив. Тысяча извинений, которые последовали мгновенно, едва не выбили леди из колеи. Она оказалась директором крупного СМИ, которое впаривало читателям про райские курорты за тридевять земель, обстоятельно расписывая все блага заграничного кайфа. Турфирмы щедро оплачивали рекламные статьи – бизнес на загляденье. Тем более он и сам мечтал о путешествиях. А еще страсть к холодному оружию. О, восток, дамаск, булат и японские катаны!

Они сошлись быстро. Признаться честно, он был неотразим. Он это умел. Она тогда ему искренне призналась:

– Вы, Никодим, очаровали меня!

Или, быть может, это сказалось великолепное французское шампанское? Настоящее французское, по сорок пять евро за бутылку!

Вот прямо так и сказала и предложила работать на свое издание. А Никодим не раздумывал ни секунды. Шанс! Верный, упавший с высокого Олимпа прямо в

ладонь. Надо было брать, пока шанс кокетничал и улыбался.

На следующий же день начинающий путешественник был в офисе на Фурштадской, а еще через два дня он уже летел на Байкал. Не Рио-де-Жанейро, но надо же было с чего начинать. И он начал! С тех пор все и закрутилось...

Самолет внезапно трянуло. Салон сразу ожил, загалдел. Никодим открыл глаза, осмотрелся. Его сосед – о! соседка – сидела, крепко вцепившись в подлокотник. При посадке он ее и не заметил. Плюхнулся в кресло и тут же уснул. Но теперь...

– Это всего лишь воздушная яма, – попытался успокоить ее Никодим.

– Да-да, – она закивала милой головкой. – Знаете, я ужасно боюсь летать.

– Я тоже.

– Да?

– Но надо. Потому и летаю.

– Вот и мне – надо.

– Вас как зовут? Меня Никодим.

Да, он был уверен, что его редкое... да что там редкое, сейчас уже совсем забытое имя сделает свое дело. То есть произведет на девушку нужное впечатление.

– Никодим? Очень интересное имя...

«Есть! – сказал он себе».

– А вас?

– Екатерина. – Тон был еще немного деловой, но начало положено.

– Не волнуйтесь, Екатерина, наш лайнер прибудет в «Пулково» в целости и сохранности. – Никодим весело подмигнул ей.

Она невольно улыбнулась в ответ.

– Все будет хорошо, Екатерина. Если вам страшно, можете держаться за мою руку.

Секундное колебание... и, так вовремя, очередной толчок почти бросил ее в его объятия.

– О! – Никодим широко улыбнулся. – Ничего-ничего, Катя, так тоже можно.

– Уважаемые пассажиры, пристегните ремни, – раздался требовательный голос стюардессы. Голос добавил еще пару слов, что-то о турбулентности и скорой посадке, но Никодим ее уже не слушал.

Девушка отпрянула от него и быстро справилась с ремнем. Никодим тоже пристегнулся.

– Сейчас все закончится. – Молодой человек попытался вновь успокоить соседку, ну и себя заодно.

Он не обманывал, он действительно опасался летать. Ее рука крепко сжимала его.

Еще пару мелких толчков прошли почти не заметно. Все стихло, страсти улеглись, народ успокоился. Стюардесса опять провещала о ямах и турбулентности... успокоила пассажиров строго по инструкции. Екатерина не спешила отпускать руку соседа.

– Ой, извините, – наконец спохватилась девушка.

– Все нормально?

– Да. Спасибо.

– Не за что. Был рад.

Его прервал все тот же почти приятный голос:

– Уважаемые пассажиры, наш самолет совершает посадку в аэропорту «Пулково-2». Погода за бортом...

– Питер, – почти шепотом сказал Никодим соседке.

– Да. Отлично.

– Может, кофе? Там, внизу.

Девушка удивленно подняла веки.

– Ну, аренда моей руки стоит недорого... Одна чашка кофе...

Она поняла, улыбнулась.

– Хорошо, Никодим.

Эх, как она произнесла – Н и к о д и м, почти нежно...

Самолет сделал плавный поворот и стал снижаться. Город внизу лежал как на ладони. Дороги, жилые кварталы, реки, пруды... огромная дымящая труба.

– Екатерина, вы не подскажете, какое сегодня число.

– Четырнадцатое.

– Суббота?

– Да.

– Ага, – он сделал резкое движение, пытаясь напугать девушку.

– Ой, – она игриво прикрыла глаза руками.

– Вам плохо?

– Нет. Мне хорошо.

Он машинально посмотрел на часы. Стрелки показывали девять сорок:

– С небольшим опозданием, но все-таки прибыли.

– Да-а, – медленно протянула его новая знакомая.

* * *

Самолет плавно зашел на посадку, приземлился, и уже через двадцать минут только что познакомившиеся попутчики стояли рядом у транспортной ленты в ожидании своего багажа.

Только что введенное в эксплуатацию новенькое здание аэропорта поражало своим размахом. Грациозным сочетанием металла, стекла и бетона. Огромный стеклянный купол обильно пропускал дневной свет и позволял любоваться проплывающими облаками.

– Красиво, – закинув голову, мечтательно заметил молодой человек.

Девушка проследила за его взглядом:

– Да. Умеют ведь...

Ее элегантный красный чемоданчик пришел по ленте сразу за его рюкзаком.

– Так как насчет кофе?

Она не возражала.

– Тогда прошу вас... – Он сделал широкий пригласительный жест.

Миновав длинный холл аэровокзала, наполненный людьми, они поднялись по эскалатору на второй этаж. Стеклянные стены здания открывали просторный вид на огромную автомобильную стоянку. Поодаль виднелись три высоченных здания бизнес-центра.

Еще несколько шагов – и они заняли столик у стеклянной стены. Опережающая события официантка, мило улыбаясь, приняла заказ, и вскоре попутчики пили кофе и мило беседовали. Первая чашечка ароматного напитка прошла незамеченной, и Никодим заказал еще по одной и мороженого. Беседа продолжилась.

То, что она не замужем, он выяснил окольными путями. Теме же путями ему удалось установить точный адрес девушки. А сразу после мороженого он широко улыбнулся и отважился попросить номер мобильного телефона. Бог есть, она протянула ему визитку.

– Так-так, интересно. Менеджер по туризму, – медленно прочел Никодим золотистую надпись на визитке. – Так мы с вами почти коллеги.

– Да?

– И не смотрите на меня так. Я не вру.

Дальше Никодим вкратце изложил ей основы своей профессиональной деятельности. Девушка была приятно удивлена.

– Так значит коллеги? – игриво спросила она.

– Без сомнений. Трудимся на благо людей. – Он улыбнулся ей в ответ.

Еще несколько минут прошли в обсуждении взаимных впечатлений о последней поездке. Никодим уже намеревался предложить девушке проследовать в такси, проводить до дома и все такое, как его романтические планы были нарушены взрывом. Молодой человек обернулся на звук. Раздражителем оказался телевизор, на экране которого показывали крупную аварию на автостраде.

Перевернутые машины, горячая автоцистерна, тревожный голос диктора за кадром. Никодим не стал прислушиваться, а вот Екатерина, кажется, услышала что-то любопытное....

– Надо попросить сделать погромче, – она приподнялась с места, – там говорят о закрытии города...

– Какого города? – не понял Никодим.

– Кажется... – Она не договорила. Ее прервал новый взрыв. Но на сей раз не по телевизору.

Сначала он показался им далеким и несущественным, но секунду спустя появился странный звук. Люди в кафе повскакали со своих мест. Кто-то пытался бежать, а кто-то прильнул к стеклянной стене, которая выходила на автомобильную парковку. Действительно, может, именно там происходило что-то интересное.

– Что это? – спросила Екатерина, испуганно глядя в глаза Никодиму.

– Не знаю, – пожал он плечами.

Они разглядывали стоянку, но ничего подозрительного не находили.

Рев нарастал. Он исходил откуда-то сверху. Но это могло только казаться. Толстые, Никодим был уверен, что и пуленепробиваемые стекла искажали звук.

– Смотрите, – воскликнул упитанный мужчина у стены и указал куда-то пальцем...

Все любопытствующие проследили за его жестом.

– Самолет!

– Аааа...

Лайнер шел чудовищно низко, и скорость его снижения говорила только об одном.

– Бежим!

Никодим схватил свою новую знакомую за руку и увлек за собой.

– Куда?

– Бежим!

Он ногой откинул стул, опрокинул стол...

– Моя сумочка... мой чемодан...

– К черту!

Он избавился и от своего рюкзака, и они кинулись прочь. Кто-то из посетителей тоже сообразил и рванул вслед за ними.

Парочка едва успела выбраться из кафе, как стекла аэропорта дрогнули и со страшным визгом разлетелись на куски. В следующее мгновение рвущий барабанные перепонки звук ворвался в здание аэропорта. Люди в ужасе попадали на пол.

Воздушное судно, завалившись на правое крыло, вошло аккурат в северный фасад. Огромная туша самолета, играючи, пробила стены аэропорта, словно картонный домик. Раздался взрыв... затем еще один – и море огня залило внутренности здания. Бушующее пламя от разлившегося керосина молниеносно охватило зал ожидания.

– Бежим!

От удара они оба упали и теперь, Никодим вновь рванул девушку на себя.

– Быстрее!

Каблук не выдержал – сломался. Она споткнулась и больно ударилась коленями.

– Вставай! – Никодим подхватил ее подмышки, поднял.

Только одна мысль занимала его голову – подальше отсюда! А за их спинами бесновалась огненная стихия. Кричали люди, сгоравшие заживо.

Противопожарная сигнализация аэропорта высоко и противно взывала, и в следующую секунду людей окутал водяной туман.

– Давай-давай...

Она сделала еще пару шагов и вновь подвернула ногу.

– Идти сможешь?

Екатерина отрицательно мотнула головой.

– Ох, беда...

Никодим поднял ее на руки, сам пригнул голову... Спинай он уже чувствовал жар от нарастающего огня.

– Держись за шею.... Только не задуши, – сказал он ей на бегу.

Эскалатор замер, оставалась только лестница. Широкая и удобная, но не сейчас. Люди бежали вниз, перемахивая по несколько ступеней. Сбивали друг друга, отталкивали. Несколько человек упали, и их тела, как куклы, покатались вниз. Никто даже не взглянул на несчастных. Слишком велика была паника.

– Дорогу! – Никодим силился кричать, но его голос утонул в общем хаосе криков и ругани.

Его прижали к металлическим перилам.

– Давай сама. – Он поставил девушку на ноги. – Я помогу.

Он закрыл ее своим телом, а она, прижавшись к перилам, стала спускаться вниз. В спину Никодима постоянно врезались чьи-то локти, но он упорно вел свою спутницу вниз.

– Еще три ступени... Куда прешь, обормот!

Спасительная дверь была близка, но поток людей, нахлынувший из всех залов, кафетериев и прочих мест аэропорта, заполнил собой огромный вестибюль здания. Стало тесно.

– Пропустите! У меня ребенок!

– Ай, моя нога...

– Куда? Куда ты лезешь?!

– У меня ребенок!

Где-то сверху рвануло, и стеклянная карточка осыпала толпу. Паника умножилась. Люди шарахнулись в стороны, оставляя в центре десятки убитых и раненых. Дети плакали, женщины визжали и орали, мужики матерились... кто-то упал на пол... у него не было шансов подняться. Сотни ног наступили на лежащих и прошли мимо. Вперед к заветной двери. Большая стеклянная дверь здания была разбита в считанные секунды – народ рванул напролом, прочь из огненного ада.

Видя на лице Кати нестерпимое выражение боли, Никодим вновь подхватил ее на руки.

– Держись!

– Твою мать, дайте дорогу!

– Куда ты...

– Саша! Саша!

– Ай!

– Мама?!

– Сука... что ж ты...

– Ко второй! Идите ко второй двери! – надрывался охранник аэропорта и размахивал руками, указывая путь к спасению.

Никодим заметил его движения одним из первых. Он подкинул свою ношу, словно хотел убедиться, не полегчала ли она...

– Разойдись! – гаркнул Никодим полной даме, которая, несмотря на свои габариты, шустро пересекла его курс.

Им повезло. Их не сбили и не затоптали. Полминуты толкотни – и они повалились прямо на асфальт.

– Цела?

– Да.

Немного отдышавшись, Никодим вновь схватил девушку за руку.

– Давай, Катя... чуть подальше... вот туда, на травку.

Катя не возражала, и даже наоборот. Ретивости им придал еще один взрыв, прогремевший внутри аэропорта. Взрыв был такой мощности, что часть здания, окутанная серым дымом, стала медленно оседать. Стоянка аэропорта огласилась противным воем автомобильных сигнализаций.

– Катя, ходу!

* * *

Вприпрыжку они отбежали несколько метров. Часть здания все же рухнула, погребя под своими руинами сотни людей. Огромный столб дыма вырвался наружу, а следом и пламя. Людской визг больно резанул по ушам. Никодим сплюнул, глубоко вдохнул и подхватил хромающую спутницу. Почти бегом он рванул вперед. Было очень неудобно лавировать между припаркованными автомобилями. Был бы он один... Самые ловкие, не разбирая дороги, уже скакали по капотам и крышам машин. Моргали сотни лампочек под колдовскую какофонию автосигнализаций.

Прорвавшись сквозь лабиринт машин, Никодим обернулся.

– Опа! – тяжело дыша, выдавил он и бросился вперед.

То, что он увидел, его не обрадовало. Часть падающих конструкций накрыла близко припаркованные пассажирские автобусы. Два из них уже горели.

Обезумившие люди, вырвавшись на свободу из тесного паркинга, не останавливаясь, неслись дальше по Стартовой улице. Были и те, кому повезло в суматохе отыскать свой автомобиль. Шлагбаум был сбит, и несколько машин, рыча двигателями, умчались в сторону КАД.

Никодим немного не донес девушку до газона и поставил ее на асфальт.

– Фу, Катя... Притомился я... чуток. – Он тяжело дышал, но руку ее не выпускал. – Пойдем.

Десять метров до обширного газона – трава. Они рухнули почти одновременно, блаженно растянувшись на зеленом ковре, и еще долго приходили в себя. Особенно Катя. Она была в шоке. Нет, она не плакала и не голосила. Отдышавшись, девушка, наплевав на брючный костюм, села, поджала ноги и молча созерцала валивший из аэропорта тяжелый черный дым. Никодим, устроившись рядом, закурил длинную сигару.

– Это что же такое творится? Теракт?

Он не ждал, что она ему ответит. Просто хотелось поговорить, отвлечься. Это длилось всего несколько минут, а потом его внимание привлек визг сирен.

– Ого, пожарные! Оперативно.

Машин было много. Несколько десятков. И из службы аэропорта и из ближайшей части МЧС. За ними мчались кареты скорой помощи, экипажи полиции и ДПС...

Полицейские тут же попытались встать в оцепление, но прибывших сил оказалось явно не достаточно. Зашумели рации... Никодиму отчетливо казалось, что он слышит просьбы об усилении даже с такого расстояния. Молодой человек глянул на девушку – Катя тихонько вздохнула и вдруг прильнула к нему, обняла.

– Спасибо.

– Сочтемся. – Он попытался улыбнуться в ответ, но улыбка вышла кривая.

Юноша приобнял ее, подтянул чуть ближе.

– Сочтемся...

Пожарные приступили к тушению. Огромные трубы начали низвергать тонны пены и воды. Горело не только здание, но и половина паркинга. Первым делом пожарные принялись заливать машины, во избежание... И все же три или четыре бензобака рванули. С газона толком было не разобрать, но, кажется, один из расчетов попал под удар. Мгновенно к ним пришла помощь, и все брандспойты с пеной обратились на автостоянку.

А Никодим с Катей сидели и смотрели, завороженные этим действием. Вокруг них на траве уже собралось немало уцелевших. Кто-то плакал, кто-то пытался вслух рассуждать о произошедшем, кто-то читал молитвы...

Машины все прибывали. Вот уже и оцепление стало плотным, да и к пожарным прибыла подмога. Ну и, конечно, приехало несколько иномарок с мигалками. И как по заказу следом за ними появились микроавтобусы, расписанные логотипами теле- и радиоканалов. Журналисты едва ли не быстрее вновь прибывших пожарных развернулись для работы, и сигнал пошел. Одна команда расположилась для ведения репортажа совсем рядом со спасшимися, в паре метров от газона. Люди отчетливо слышали каждое слово, передаваемое в прямой эфир. Репортер, молодой еще парень, вещал:

– Сегодня около одиннадцати часов утра в новое здание аэропорта «Пулково-2» врезался аэробус. Как вы можете видеть за моей спиной, часть здания аэропорта обрушена и охвачена пожаром. Очень большая задымленность. Пожарные службы приступили к тушению довольно оперативно. Полицейским оцеплением практически полностью перекрыты все подступы к месту катастрофы. О жертвах пока ничего не известно. Но судя по увиденному нами, можно предполагать самое худшее. Все это на фоне утреннего заявления властей выглядит очень удручающе. Катя?

Екатерина, услышав свое имя, невольно вздрогнула.

– Тише. – Никодим провел рукой по ее волосам. – Это он в эфире...

– Да. Конечно, Екатерина, спасенные есть. Вот здесь, рядом с нами, находится большая группа пассажиров из аэропорта, которым удалось чудом выбраться из охваченного пламенем здания. – Камера тут же обратилась в сторону газона. – Да. Мы будем обязательно держать вас в курсе событий. Все подробности произошедшего сегодня в аэропорту «Пулково-2» уже в следующем нашем включении. Катя?

– Балабол, – не стерпел Никодим и отшвырнул окурок сигары.

Репортер заметил их. Он вскинул свое «оружие» и кивнул оператору.

– Простите, вы оттуда?

– Ага.

– Вы видели, как все произошло?

– Да.

– И как же? Что там произошло?

– Ба-бах! – Никодим вскинул руки, изобразив взрыв. – Вот так и было.

– И все?

– Все. А теперь катись-ка ты...

– Ну зачем же вы так? Люди должны знать правду.

– Ты чего, не понял? Катись! – Никодим сжал кулаки и начал подниматься.

– Я понял. – Журналист поспешил ретироваться, а вот оператор продолжал отрабатывать свой хлеб, крупным планом снимая Катю.

– А ну вали! – Никодим не успел достать оператора. Тот отпрыгнул в сторону, как заправский боксер, уходя с линии атаки, и, быстро отвернув объектив в сторону, принялся снимать уставших людей, разместившихся на газоне.

Его больше никто не гонял, у людей просто не было на это сил. А молодой репортер среди десятков спасшихся все же нашел самую разговорчивую даму, которая и понесла в эфир свою версию катастрофы. Надо сказать, не самую правдивую версию, но зато очень эмоциональную.

– Вот трещит! – Никодим кивнул на интервьюируемую. – Представляю, как сейчас народ у теликов рты разинул...

– Моя мама, наверное, тоже смотрит, – перебила его Катя, – она всегда новости смотрит...

– Она знает, что ты сегодня прилетаешь?

– Ага...

– Кать, ты не переживай – жива же. Позвони ей.

Девушка закрутила головой, зашарила руками.

– Телефон в сумочке остался...

– Возьми мой. – Никодим полез в карман, но мобильник не обнаружил – потерял. – Черт!

Катя попыталась сменить позу и вдруг, схватившись руками за ногу, вскрикнула.

– Очень больно?

Она не ответила. Помешали слезы.

– Я сейчас.

По Стартовой одна за другой ехали сразу четыре машины скорой помощи. Не раздумывая, Никодим выскочил на проезжую часть, отчаянно жестикулируя:

– Стойте! Стой!

Скрипнули тормоза – машины встали. У первой открылась пассажирская дверь, и показалось лицо в медицинском колпаке.

– Что?

– У нас раненые. Вон там.

Машина припарковалась у бордюра, три другие проследовали вперед, к горящему аэропорту.

– Что тут у вас? – Доктор с медбратом вышли из машины.

– У девушки нога...

– Покажите.

Катерина вытянула ногу. Доктор быстро пробежал пальцами от лодыжки до колена, затем выше.

– Тут все цело. Кости... да. – Он ощупал ступню. – Вывих... сейчас. Потерпите.

– Ой.

– Готово. Есть еще пострадавшие?

– Доктор, у меня тут...

– Иду.

– Катя, тебе лучше? – Никодим присел рядом.

Она чуть помедлила, будто прислушивалась к утихающей боли.

– Лучше.

– Вот и хорошо. Идти сможешь? Или предпочитаешь передвигаться на моих руках?

– Шутишь?

– Нет. Готов носить.

– Помоги.

Девушка встала с его помощью.

– А куда пойдем?

– Да вон туда. – Никодим кивнул в сторону бизнес-центра, на фасаде которого красовались большая синяя надпись. – Водички попьем, посидим...

– Думаешь, пустят? – Она сделала осторожный первый шаг.

– Конечно, что ж они, не люди...

* * *

Охрана дала дорогу без слов. Вертушка так же молчаливо пропустила их в вестибюль. Как оказалось, не они первыми догадались искать приюта в бизнес-центре. На диванах, стульях и креслах уже сидело и лежало десятка три пострадавших. Стройные девушки из ресепшен юрко сновали взад-вперед с салфетками и водой.

– Нормально. – Никодим невольно дернул головой. – Может, здесь еще и кормят.

* * *

Как по волшебству появились медики. Они деловито обвели взглядом всех и наметанным глазом выявили самых неотложных. Никодим допил воду из бутылки и тут его внимание привлек шум у дверей, которые выходили прямо на аэропорт. Трое мужчин несли тело. Вертушка дверей провернулась, и они с трудом втиснулись вовнутрь. Тело цеплялось ногами... еще поворот – и стали слышна их ругань.

– Врача, вашу... ну что встали – разойдись.

– Ёпр... эй, доктор, сюда!

Сознательные граждане тут же очистили ближайший диван, и мужчины аккуратно опустили свою ношу.

– Ну что ты там застрял, медицина?!

– Не надо так орать. Я уже иду, – отозвался медик в очках. – Что тут...

Он склонился над телом, ловко загнул рукав обугленного пиджака, нащупал пульс. Затем раскрыл потерпевшему веки, посветил крохотным фонариком в зрачки.

– Ничем не могу помочь, – тяжело вздохнул доктор, – он умер.

– Как?

– Когда?

– Ну?

Вопросили мужики в один голос.

– По всей видимости, несколько минут назад.

– Ты, медицина, мне тут не крути! – взъелся самый высокий и на вид самый крепкий и всех. – Ты что Ваську хоронишь? А ну делай чего-нибудь. Рот в рот... шоком жхни!

– Он умер, – пытаюсь сохранить спокойствие, ответил доктор. – Извините, меня ждут другие...

– Я тебе сейчас подожду...

– Серега, уймись!

– Ваську не вернуть.

Товарищи повисли на руках здоровяка.

– Вы чего, мужики?! Он нам Васяту уложил... у, морда очкастая!

– Идите, доктор... мы тут сами, – миролюбиво изрек чернявый и навалился на буяна.

Вдвоем они его силком усадили на диван, в ногах умершего.

– Эх, Васята... – Он что-то еще продолжал бурчать, но тут внимание Никодима привлек огромный экран во всю стену.

Как он включился – бог весть. Никодим мог поспорить, что до этого он молчал на стене, за стойкой администрации.

– ...В данную минуту на улице Стартовой творится настоящий кошмар. Часть здания аэропорта рухнуло. Пожар продолжается. Сюда стянуты значительные силы МЧС, но пока им не удастся справиться с огнем, – активно, чуть не захлебываясь собственным азартом, вещал корреспондент.

В вестибюле стало почти тихо. Все, кто мог видеть – смотрели. Лишь врачи продолжали корпеть над ранеными.

А журналист набирал обороты:

– Очень много погибших и раненых. Мы стали свидетелями прибытия огромного количества карет скорой помощи... и они продолжают прибывать. Пострадавших при аварии увозят в ближайшие больницы города. Много погибших... да, нам только что стало известно, что из столицы вылетел... – Его слова потонули в визге сирен. Камера четко зафиксировала, как за спиной корреспондента в направлении аэропорта промчались несколько карет скорой помощи с мигалками и звуковыми сигналами. – ...будем надеяться, что вскоре нам удастся сообщить вам все последние подробности происшествия, которое... – И вновь его заглушили сирены и мигалки, только теперь машины неслись в обратную сторону.

План ушел. В студии ведущая открывала рот как рыба, но слов было не разобрать – один из раненых оглушил всех диким криком. Катя вскрикнула следом. В страхе закрыла рот руками и прижалась к Никодиму. Заплакал ребенок. А девушка из ресепшен подвернула ногу, каблук сломался, и она упала бы, если бы не стоявший рядом охранник. Врачи держали голосившего и спешно кололи что-то ему в вену.

– Тише. Тише, Катя. – Никодим гладил ее по волосам, успокаивал.

Еще несколько секунд возни – и шум стих. Вновь стало слышно голос корреспондента.

– ...на улицах города. – Последние слова симпатичной ведущей, и камера показала Литейный. Никодим почти сразу узнал угол с Невским.

Корреспондента не было. Лишь только камера медленно скользила по рядам битых машин. Из-под капотов валил пар, водители, активно жестикулируя, пытались что-то кому-то доказать. Камера пошла в сторону – полицейские

ленты, какими обычно обмечают место преступления, несколько сотрудников в форме, несколько в штатском склонились... Камера взяла ниже и крупно... женщины в вестибюле ахнули. На тротуаре, подле самого дома лежало изуродованное человеческое тело. Камера сделала наезд, Катя закрыла глаза руками.

– Мама...

Никодим подался вперед, стараясь разглядеть труп. На вид мужчина, в изодранной одежде, весь в крови, и лицо! Именно его лицо привлекло внимание Никодима. Оно было в ярко-зеленых пятнах, как будто человека специально измазали зеленкой.

– Час назад на углу Литейного проспекта и Невского, – это появился журналист. В юбке, – неизвестный мужчина напал на прохожих. По словам очевидцев, он вел себя крайне агрессивно. Рычал, нецензурно выражался и приставал к мирно проходящим по улице людям. Свидетели нам рассказали, что мужчина несколько минут задирает проходящую пару, пока не подоспели двое сотрудников полиции... – Ведущая замялась, наклонила голову вправо, камера проследовала в указанном направлении. – При виде сотрудников полиции мужчина сразу набросился на них с кулаками. – Пока она говорила, камера продолжала движение: все те же яркие ленты с надписями полиция и еще несколько человек в форме. И камера замерла. – Сотрудники полиции погибли.

Оба полицейских лежали в лужах крови, с нереально выгнутыми конечностями и в изодранных куртках.

– Бррр...

– Меня тошнит!

Вестибюль зашушукался.

Камера долго держала крупный план, пока последний слепой не убедился, что полицейским крепко досталось. Они имели такой вид, будто их искусила стая диких голодных собак. Вырванные куски мяса, обнаженные кости...

– Я больше не могу... – И женщину на соседнем кресле вырвало.

Притихли даже издававшие виды врачи. Медсестра уронила капельницу. Пластиковый пакет лопнул, оросив всех в радиусе метра желтоватой жидкостью.

– Валя, раззява! Капельницу! – прикрикнул седовласый медик.

– Да-да... я сейчас Николай Иванович... сейчас.

Глава седьмая

Сумерки

Четырнадцатое сентября 2013 года, вечер, город Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

В какой-то момент им казалось, что время застыло и мир прекратил свое безумное вращение. Люди, их голоса, их движения превратились в один гигантский стоп-кадр. Осмыслить, понять происходившее было трудно. Нелепо...

Никодим даже через одежду ощущал, как часто бьется сердце Кати. Сердце сжималось и у него. Девушка, прижавшись к нему, молчала, созерцая страшные картинки на телеэкране. В голове бились и стучали в виски сотни мыслей. И каждая норовила перебить другую. Не было ни четкого плана, ни желания встать и куда-то идти. И главное – куда? Усталость, апатия...

Затем пружина сломалась, и время сорвалось с места. Раскрутилось и устремилось в будущее. Из «ящика» они узнали, что на подлете к Питеру рухнул еще один самолет. Аэропорт «Пулково-2» был закрыт.

Машины МЧС все прибывали, а вестибюль бизнес-центра до отказа набился пострадавшими. Медики не справлялись. Часть раненых, самых тяжелых, удалось эвакуировать в больницы, но людей меньше не становилось. Вновьприбывшие бригады сообщили, что на Московском проспекте произошло несколько крупных аварий и проехать крайне затруднительно.

Кто-то особо впечатлительный потребовал выключить телевизор. Его поддержали женщины, но нашлись и правдолюбцы, желающие знать всю картину творившегося в городе. У плазменной панели развернулись жаркие дебаты, едва не превратившиеся в драку. Противоборствующие стороны уgomонили охранники – с десятков парней в черных костюмах с трудом разъединили активистов обеих партий. Вмешались медики, и вскоре компромисс был найден. Все, кто не особо нуждался в медицинской помощи и кто желал быть в курсе, проследовали в ресторан, где тоже был телевизор.

– Может, и мы пойдем перекусим, – предложил Никодим.

Девушка молча согласилась.

– Еда – она лучше всего успокаивает.

– Да-да. Хотя после всего этого... – Катя обвела вестибюль долгим взглядом. – ...мне сможет помочь только кофе, и желательно в больших количествах.

Едва они успели покинуть шумный вестибюль, как в здание бизнес-центра вошла солидная группа эмчезовцев, и большинство в белых халатах. По всему было видно, что господа решили прямо тут развернуть центр психологической поддержки.

* * *

Они устроились в огромном ресторане. Зал был поистине потрясающих размеров – хоть в футбол играй. Крикнешь «ау» на одном конце, и эхо пробежит до другого. Так, или примерно так представил себе Никодим. Уж он-то за свою карьеру путешественника навидался ресторанов всяких, и больших, и малых.

Народу пришло много. Кто-то явился на зов желудка, кто-то ушел от вестибюльной суеты. Впрочем, внутри уже сидели посетители, немного – выходной как никак, но были, надо полагать, местные из бизнес-центра. Они продолжали обед.

– Странно... – едва слышно протянула Катя.

– Что?

– Тут кругом такое... а люди спокойно сидят и едят.

Никодим не видел в этом ничего странного. Беда касалась отдельной взятой территории, и уж никак не этих людей. Да, и сколько раз в путешествиях ему самому приходилось наблюдать разное... Трудно изменить человека, пока беда не пришла к нему в дом.

– Вот и мы сейчас с тобой тоже. Война войной, а обед по расписанию. – Никодим изобразил подобие улыбки.

– Если только салат... – И все же ей было стыдно признаться, что, несмотря на все пережитое, она проголодалась.

– Вот и чудно.

Люди меж тем продолжали прибывать, и вскоре общими усилиями зал заполнился почти полностью.

Кто-то уже успел включить телевизор, и оттуда полились свежие новости. Никодим с Катей не прислушивались...

Им хотелось поскорее хоть немного отвлечься, а еда была способом не хуже других. Официанты бойко раскладывали на столиках меню. Катя сделала выбор первой, да и Никодим заказал полный набор – «первое, второе, компот» – вот только поесть им толком не дали. И виной были не раздражающие новости, льющиеся бурным потоком, а появление многочисленных следователей. Первым делом из ресторана удалили всех местных, так сказать не причастных к катастрофе. Люди повозмущались, но вынуждены были подчиниться. Когда остались только те, кто прибыл из аэропорта, полицейские приступили к делу.

Опера деловито разделились и принялись методически опрашивать очевидцев. Работали грамотно и по существу. Мимо столика, где сидели Никодим и Екатерина, прошествовал мужчина в кожаном пиджаке. Худой, высокий, с красными опухшими глазами. «Нельзя же так пить...» – Никодим отчего-то решил, что товарищ именно с похмелья. Он уже почти прошел мимо, как вдруг

обернулся и... Никодим проследил за его взглядом и чуть не вскипел. Худой смотрел на Катю, и как-то нехорошо смотрел.

– Простите... – Шедший за худым опер с уже седеющими черными волосами отодвинул стул и присел за их столик. – Всего пара вопросов.

– Конечно, – ответил Никодим за обоих, отрывая взгляд от опера в кожаном пиджаке. Благо тот отвернулся и прошел дальше.

Наконец-то, дабы не мешать процессу, телевизор был выключен. Картинка с упавшим и горящим вертолетом у Петропавловской крепости исчезла.

– Вы из аэропорта? Каким рейсом летели? – Следователь разложил чистые листы протокола. – Ах, простите. Фамилия, имя, отчество...

В сущности, что они могли знать? Прилетели, получили багаж, решили выпить кофе, а тут падающий самолет, огонь, крики...

– ...Еле вырвались, – закончил свой рассказ Никодим.

Катя лишь кивала головой, мол, все так оно и было. А что тут прибавишь? Чувство страха к делу не пришьешь.

– Хорошо, – констатировал сыщик и закончил писать. – Прочтите и поставьте подпись.

Они по очереди пробежали глазами текст и подписались.

– А нам можно домой? – робко спросила девушка, когда следователь уже было поднялся из-за стола.

– Да, конечно, только немного позже. Простите, но таков порядок.

Екатерина вздохнула и опустила глаза.

– Если вам нужна помощь, то внизу уже работают психологи, – напоследок изрек следователь.

– Спасибо.

Мужчина перешел к соседнему столику, за которым разместилась пожилая пара.

– Вот влипли, – мотнул головой Никодим.

– Мне надо позвонить маме...

– В ресторане наверняка должен быть телефон. Я сейчас.

Он стремительно пересек зал, о чем-то пошептался с барменом и заспешил назад.

– Странно, но телефон у них не работает, зато я одолжил сотовый. Вот.

Катя взяла трубку и по памяти быстро набрала номер. Томительное ожидание длилось больше минуты, но ответа не последовало.

– Может, она в ванной...

– Попробуй еще.

Она повторила звонок – тишина. Еще раз – то же самое.

– Странно, гудки идут, а трубку она не берет.

– Не переживай. – Никодим положил ладонь ей на локоть. – Она действительно может быть в ванной или у соседки, а телефон забыла... Давай я верну сотовый, вон бармен уже косится.

– Да. Отнеси. Спасибо.

Никодим на ходу и сам набрал чей-то номер, но поговорить не удалось. Ответа не последовало.

– Спасибо, – протягивая трубку владельцу, поблагодарил он. – Можно мне сто граммов водки.

Бармен оперативно налил, а Никодим оперативно выпил. Прошла как вода! Ни вкуса, ни цвета, ни запаха.

– Мда...

Он вернулся за свой столик, и тут в ресторане раздался голос, усиленный громкоговорителем.

– Товарищи, минутку внимания! Товарищи! Тишина! Спасибо. Я – Васильев Николай Степанович, полковник полиции, начальник пулковского отд...

Договорить ему не дали. Раздался выстрел. Громкоговоритель выпал у него из рук и снова противно запищал. Сам полковник удивленно вскинул брови и тут же упал. Еще выстрел. Никодим навалился на Катю всем телом и сбил ее со стула. Они вместе рухнули на кафельный пол. Прозвучали еще три выстрела. Послышались крики, звуки разбивающейся посуды, падающих столов, стульев и тел. Снова выстрел! Рядом с Катей упал мужчина с пробитой головой. А затем началась настоящая перестрелка. Десятки выстрелов слились в гроыхающую канонаду. Никодим затолкал девушку под стол, накрыл своим телом. Бой продолжался. Одна из пуль угодила в ножку соседнего стола, срикошетила и сильно ударила Никодима в ботинок. Он сжал зубы от боли, но не издал ни звука. Выстрелы стали стихать и, наконец, прекратились.

– Всем лежать! – раздался зычный бас.

Мимо суетливо протопали чьи-то ботинки, затем еще одни...

– Врача сюда! Живо! – скомандовал все тот же голос. – Иванов, бегом!

Иванов умчался, по дороге опрокинув стул.

– Внимание, господа-товарищи! Медленно встаем! Встали!

Люди начали подниматься. Никодим, придерживая девушку, помог ей выбраться из укрытия.

– Медленно!

На ноги встали далеко не все. Человек десять лежали на полу в самых замысловатых позах. Еще несколько барахтались, пытаясь подняться.

– Не смотри. – Никодим прижал Катю к себе.

– Внимание! – продолжал басить мужчина с пистолетом в руке. – Соблюдайте порядок! Тишина! Все отходят туда. – Он небрежно махнул рукой в сторону дальнего конца зала, где было абсолютно пусто, ни столов, ни стульев.

Никодим, не выпуская Катю из объятий, двинулся вперед. Они перешагнули через чье-то тело, еще через одно... На кафельной плитке, мокрой от крови и пролитых напитков, валялись десятки стреляных гильз и пистолеты. Впрочем, обнаружив оружие, полицейские тут же его поднимали. Как оказалось, полковник, вещавший в громкоговоритель, был мертв, вокруг него собралось больше всего «товарищей» в штатском. Многие из них еще не убрали стволы, а напротив – стали перезаряжать. Кто был виновником этой трагедии, с ходу понять было невозможно. Но кажется...

Сразу пятеро оперативников обступили тело мужчины... Никодим нарочно прошел мимо и даже привстал на цыпочки, чтобы разглядеть труп. Кожаный пиджак был прострелян во многих местах.

Народ, сбившийся в большую кучу, бурно обсуждал происшествие. Женщины плакали, однако нервы сдали не только у слабого пола, двое мужчин рыдали как дети. Мужья утешали жен, а этих двоих попытался утешить официант парой стаканов коньяка. Его чудом уцелевший поднос с напитками как нельзя кстати уцелел.

– Дай и мне.

– И мне.

– Воды, пожалуйста, – попросил Никодим.

Через минуту в ресторан ворвались четверо с автоматами и с десятков медиков. Автоматчики отсекли толпу, выстроившись в жидкую цепь, а медики принялись осматривать поверженных на полу. Когда первый шок миновал, обнаружились легкораненые и среди столпившихся в дальнем конце ресторана людей. Врачи выводили их из зала по одному и осматривали под присмотром полицейских. Процедура осмотра длилась довольно долго. Затем сотрудники полиции принялись перетаскивать столы и стулья к стенке так, чтобы они не мешали исследовать поле боя.

Пытаясь подавить стресс, люди принялись уничтожать алкогольные запасы бара.

Бармен было возмутился, мол, кто будет оплачивать этот спонтанный банкет, но быстро умолк. Мужики стали щедро выкладывать купюры. Пока полицейские были заняты своим делом, часть храбрых и жаждущих товарищей все продолжала подтягиваться к бару. Благо он был не далеко. Зашуршали кошельки...

Подобное возлияние грозило перерасти в пьянку, но ситуацию спас внезапно появившийся администратор ресторана, который волевым решением закрыл доступ к спиртному. Видимо ему шепнули полицейские, что лавочку, во избежание недоразумений, лучше прикрыть. Мужики поворчали немного, мол, как же так, но вскоре успокоились под пристальными взорами полицейских с автоматами. В баре продолжали выдавать лишь безалкогольные напитки и... мороженое.

– Так. Всем внимание! – Теперь Никодим разглядел обладателя баса. Крепкий белокурый мужчина уверенно раздавал команды. – Прошу всех соблюдать спокойствие. Сейчас вам всем будет позволено сесть за столики. – Кто-то в толпе дернулся вперед, и мужчина повысил голос: – Спокойно, товарищи! Прошу, без суеты. Всем вам будет разрешено покинуть ресторан только после личного досмотра и допроса. Спасибо за понимание! Можно!

Автоматчики разошлись в стороны, и люди устало двинулись к столам. Никодим отвел Катю за стол под локоток.

– Может, мороженого? – вдруг предложил он.

– Ты с ума сошел? – Она неожиданно ожила. – Не видишь, что творится?! Тут людей убили. А ты мороженого...

– Есть хочется. – Никодим пожал плечами. – У меня при виде крови всегда аппетит разыгрывается.

– Вампир!

– Так не хочешь мороженого?

– Сок хочу!

– Какой?

– Ананасовый!

– Не кричи. Уже несу!

Ему позволили сходить к стойке, и через минуту он вернулся с большим стаканом сока и огромной вазочкой, на которой красовались разноцветные шарики мороженого.

– Твой сок.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Она отпила сока и вопросительно уставилась на него.

– Что? – облизнул он ложку.

- Не понимаю, как ты можешь?
- Сам удивляюсь. Ты бы лучше подумала над словами господина полицейского.
- А что такое?
- Он грозился устроить личный досмотр.
- Мы же не террористы.
- Порядок есть порядок.
- Женщин должны досматривать женщины. - Катя жадно допила остаток сока.
- А вот и они.

По кафельной плитке зацокали каблуки. Две миловидные девушки в форме лейтенантов полиции прошествовали в ресторан и замерли подле старшего.

- Внимание! - пробасил начальник. - Сначала женщины. Прошу всех дам пройти сюда!

Он указал на дверь, за которой, скорее всего, скрывалось подсобное помещение ресторана.

Женщины, а их было около двух десятков и молодых, и пожилых, проследовали за полицейскими в юбках. Досмотр длился томительных полчаса, пока последняя не вышла в общий зал.

- Все в порядке? - шепотом спросил Никодим.

- Да, - так же тихо ответила Катя.

- Теперь мужчины! Внимание! Мужчины по трое!

Никодим решил побыстрее покончить с этой возней и оттого, весело подмигнув Екатерине, пошел в первой тройке.

Вскоре он вернулся на место, а поток мужчин еще добрый час тек за дверь и обратно. Оно и понятно, мужчин было в два раза больше.

Одновременно началась долгая и утомительная процедура допроса сидящих в зале. Сначала расспрашивали о катастрофе в аэропорту, а уже после о случившемся в ресторане. И все это время шла работа над ранеными и убитыми. Впрочем, раненых, сразу же после оказания первой помощи, унесли на носилках.

– Итак, где вы были в момент, когда началась стрельба? – повторил свой вопрос тот же следователь, что опрашивал их в первый раз.

Никодим сощурил глаза.

– А знаете, мне он сразу не понравился.

– Кто?

– Тот, в кожаном пиджаке. Которого убили.

– Вы его знаете?

– Нет. Откуда. Но вот когда он проходил мимо, я обратил внимание на его глаза... взгляд.

– И что?

– Он смотрел на Катю.

Девушка напряглась.

– Я не заметила.

– Продолжайте.

– Что-то было в его взгляде... холодное или пустое, не знаю даже, как сказать. И глаза у него были красными, с припухлостями. Ну, знаете, как после глобального запоя или долго недосыпания.

Опер в ответ лишь понимающе качнул головой.

– Так вот, – продолжил Никодим, – он мне и не понравился тогда.

– Именно из-за глаз. Да?

– Точно. – Никодим еще раз прищурил глаза, вспоминая тот взгляд. – Да, точно, нездоровый взгляд.

– Хорошо, – кивнул следователь и принялся тщательно записывать слова свидетеля.

* * *

За окнами полностью стемнело, когда все процедуры были закончены. Однако расходиться не позволяли. Полицейские чего-то ждали. Уже были убраны трупы и вся разбитая мебель. Только на полу подсыхали лужи крови. Чудовищно хотелось лечь, вытянуть ноги и уснуть. Срочно! Кто-то именно так и поступил. Усталость и шок от пережитого сделали свое дело. Люди, сложив руки, как школьники за партой, и уронив на них голову – спали. Не смотря ни на что. Тех, кого одолевала бессонница, молча завидовали спящим.

Вот и Никодим мучился. Он блаженно вытянул ноги под столом, откинулся на спинку стула, но сон не шел. Катя, положив голову ему на плечо, мирно посапывала. Чтобы ее не беспокоить, он изловчился и достал сигару одной рукой. У него даже получилось прикурить от спичек. То, что курить вредно, предупреждал не только минздрав, но и администратор ресторана, и даже вывеска на стене, но Никодим лишь ухмыльнулся. Ну что ты сделаешь, коли выйти не дают. Только по нужде и то под конвоем. Следом за ним осмелели еще несколько курильщиков. И администратор смирился с прокуренным интерьером, лишь умолив мужчин курить по очереди. Опять же сигнализация противопожарная могла сработать.

– А ты ее отключи, – посоветовал один из курильщиков, выпуская дым через нос.

Томление продолжалось. Какой-то умник добавил света, и ресторан ярко осветился. Уснувшие было люди заворчали. Послышалось скрипение раций, полицейские оживились. Большая часть из них спешно покинула ресторан. Остались только четверо с автоматами и еще двое в штатском.

– Спокойно, господа, – подняв руку, заверил один из них, – скоро мы вас...

Баа-бах! Именно так для Никодима прозвучал этот звук. Станный и далекий, чужой и одновременно такой знакомый. Молодой человек не хотел изводить себя догадками и твердо решил: пора ложиться. Он чувствительно толкнул Катю в бок, но на взрыв она не отреагировала, лишь сонно пробормотала:

– Что?

Он не ответил, а принялся сразу запихивать ее под стол. Именно запихивать, силой!

– Ложись!

Полицейские напряглись, но пост покинуть не решались. Люди подозрительно косились на действия Никодима, а ему было плевать. Нехорошее, очень нехорошее предчувствие охватило его, как тогда, на Мадагаскаре.

Кажется, это было давно и не с ним. Хорошая, в сущности, вышла бы поездка, кабы не местные клановые разборки. И что ему тогда не понравилось во встречной машине? Какой дьявол заставил его выпрыгнуть из пикапа? Но именно это и спасло ему жизнь. А вот все, кто был в том автомобиле, погибли. Судьба. Он не любил вспоминать про Мадагаскар – это вам не мультик.

И вот сейчас то же чувство саднило внутри.

– Лежи... – Никодим положил руку на спину девушке. Она ничего не понимала, но... тут же поняла!

Второй, уже более явственный взрыв, прозвучал почти за дверью ресторана. А затем послышались приглушенные выстрелы.

Двое в штатском остались на месте, а четверо автоматчиков, не сговариваясь, понеслись к выходу. Они не успели открыть стеклянные ворота ресторана, как те со звоном разлетелись на осколки, и в зал ворвались пули вместе с автоматным грохотом. Все четверо оказались буквально наспигованы смертельным свинцом. Двое в штатском выхватили пистолеты и открыли ответный огонь в дверной проем.

– Ползи! – Никодим бесцеремонно поддал Кате по мягкому месту. – Живо!

Девушка на четвереньках стремительно засемила под столами. Люди падали, как куклы. Те, в кого не попали пули, расползались в разные стороны. Кто пошустрее, прятались за барной стойкой, ныряли через линию подачи, сбивая баки и посуду. Многие выли от ран и от страха.

Выстрелы на пару секунд смолкли, видимо, стрелки перезаряжались. И вдруг слух Никодима уловил странный звук. Как будто по полу катился и подпрыгивал стальной шарик.

– Ложись! – заорал он что было мочи.

Взрыв оглушил и осыпал осколками. Часть лампочек на потолке потухла. На мгновение наступила гробовая тишина – людей было не слышно. Лишь только дым и чуть позже звуки падающих на кафельный пол деревянных ошметков мебели.

А затем началось!

– Ааааа!

– Помогите!

– Мама! Мамочка...

– Господи!

– Ой! Твою мать!

Никодим нахально ощупал Катю. Девушка пошевелилась.

– Жива. – Молодой человек скорее констатировал, чем спрашивал. – Хорошо.

Он мелко затряс головой, как будто желая скинуть наваждение. Слух окончательно вернулся. Да и зрение... глаза были целы.

Легкий дымок медленно рассеивался по помещению. Никодим выполз из-под стола и наткнулся на руку в часах. Рука сжимала пистолет, а в двух метрах от оторванной конечности дико завывал человек.

Тяжелые шаги четко отдались в мозгу Никодима. Он поднял голову и узрел надвигающуюся черную тень. Полицейский с оторванной рукой резко уgomонился, видимо, потеряв сознание.

Тень шла уверенно со стороны входа в ресторан. Вот она приблизилась, перешагнула через трупы автоматчиков. Никодим по черной форме определил полицейского из спецназа – он таких сотню раз видел по телевизору. Все как положено – каска со стеклянным пуленепробиваемым забралом, бронник, разгрузка и штурмовая автоматическая винтовка Коробейникова – ШАВК-01, так он вроде именовался...

Первым желанием было вскочить и позвать на помощь этого спецназовца, но Никодим увидел, что одна рука приближающегося была отведена назад. За ногу он тащил второго... точно в таком же обмундировании.

– Черт! – Жгучая догадка опалила мозг, и молодой человек инстинктивно схватил оторванную руку с пистолетом.

Пальцы разжались, и он ощутил тепло рукоятки. Никодим привстал, упер локти в колено, прицелился.

– А ну стой!

Спецназовец не отреагировал. Он продолжал тащить свою ношу.

– Стой! Я буду стрелять!

Едва заметное шевеление сбоку. Никодим скосил взгляд.

– Это он... – прошептал второй в штатском, – стреляй... ну что ты...

Враг замер. Ствол в его руках дернулся, и Никодим выстрелил. Четыре раза подряд, пока затворная планка не отскочила назад. Магазин был пуст. Молодой человек отчетливо видел, как все его пули достигли цели. Спецназовец разжал левую руку и выпустил ногу трупа. Никодим упал, а автоматическая винтовка начала отсчитывать гильзы. Три секунды – и грохот стих. Остались только крики и вой пребывающих в ужасе людей.

– Паря... – простонал очнувшийся раненый, и прямо к лицу Никодима прикатилась брошенная по скользкому полу обойма. Это было спасение.

Никодим быстро перезарядил пистолет – удачно. Спецназовец сорвал с разгрузки гранату, выдернул чеку и отжал скобу. Через прозрачное забрало было хорошо видно его перекошенное в злобной ухмылке лицо. Его сияющие красные глаза...

Никодим вскинул оружие. Он целился в руку с гранатой. Одна за одной он вгонял пули в плоть безумного врага. Тогда ему казалось, что все восемь свинцовых игл попали в цель. Рука спецназовца разжалась, и стальной кругляш ударился об пол, расколов кафельную плитку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Комиссар госбезопасности третьего ранга – специальное звание высшего командного состава НКВД, соответствует армейскому званию генерал-лейтенант.

2

Стихи Татьяны Реготовой.

3

Старший майор – специальное звание офицера НКВД до 1943 г. Соответствует армейскому званию генерал-майор.

4

Пецл – сленговое название фонарика.

5

Гермуха – герметично закрывающаяся дверь (слэнг).

6

Хабаровск – место, где много хабара – трофеев (слэнг).

7

Вша – вентиляционная шахта (слэнг).

Купить: https://tellnovel.com/ru/testov_aleksandr/pulkovskaya-citadel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)